

ТАЙНЫ
ДРЕВНИХ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ
ТРЕНДЕР

Майкл Бейджент
Ринард Ли

ХРАМ И ЛОЖА

От
тамплиеров
до
масонов

ИСТОРИЯ
ОРДЕНА ХРАМА
ОТ 1307 ГОДА
ДО НАШИХ
ДНЕЙ

Ричард Ли

**Храм и ложа. От
тамплиеров до масонов**

Ли Р.

Храм и ложа. От тамплиеров до масонов / Р. Ли —

К братству масонов принадлежали монархи, знаменитые военачальники, поэты, художники, писатели... Так кто же они, эти «вольные каменщики»? Во что они верили, кому поклонялись, о каком обществе мечтали и какие планы продолжают строить сегодня? Последние три века масонство неизменно является популярной темой для бурных дискуссий в прессе и политических кругах. Масонов обвиняют в причастности к международным заговорам, коварстве, исполнении зловещих обрядов, к которым не допускаются непосвященные, разврате, создании разветвленной тайной организации, которая оплела своими сетями весь мир. Трудно самостоятельно разобраться, где ложь, а где правда. Известные британские исследователи средневековых религиозных обществ Майкл Бейджент и Ричард Ли, авторы сенсационной книги «Святая Кровь и Святой Грааль», взялись за разгадку тайны масонства и его связи с древним орденом тамплиеров.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ	8
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	17
ГЛАВА ПЕРВАЯ	17
ГЛАВА ВТОРАЯ	33
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Майкл Бейджент, Ричард Ли

Храм и ложа. От тамплиеров до масонов

ВВЕДЕНИЕ

В последние несколько лет масонство стало в Британии излюбленной темой для разговоров и предметом жарких дискуссий. И действительно, попытки преследования вольных каменщиков превратились в настоящую травлю, напоминающую гонения на священников в Ирландии. С едва скрываемой радостью и почти явственно слышимыми криками «ату!» газеты подхватывали каждый новый «масонский скандал», каждое новое заявление о «масонской коррупции». Церковные советы рассуждали о совместимости масонства с христианством. Чтобы подразнить политических противников, приходские советы вносили предложения, направленные на то, чтобы заставить масонов раскрыть себя. Количество предполагаемых масонов в политических партиях резко возросло, уступая разве что числу агентов британских спецслужб и ЦРУ. Телевидение тоже внесло свой вклад в эту кампанию, проведя одну специальную передачу, посвященную данному вопросу и умудрившись разместить свои камеры в самом логове зверя, в Великой Ложе. Казалось, что комментаторы, не обнаружив дракона, не испытали облегчения, а почувствовали себя обманутыми. Тем временем острый интерес к этой теме не спадал. Стоило лишь произнести слово «масон» в пабе, ресторане, холле отеля или другом общественном месте, как люди поворачивали головы, прислушивались и делали серьезные лица. Любое «разоблачение» проглатывалось с той жадностью и даже радостью, которые обычно прибегают для сплетен о королевской семье или для непристойностей.

Наша книга не имеет никакого отношения к разоблачениям. В ней также не рассматривается роль масонов и их деятельность – как действительная, так и мнимая – в современном обществе; нет здесь и попыток расследовать обвинения в тайном заговоре или коррупции. Разумеется, это и не апология франкмасонства. Мы сами не являемся членами масонской ложи и, значит, никак не заинтересованы в снятии с этой организации предъявляемых ей обвинений. Наша цель – всего лишь история. Мы предприняли попытку выявить предшественников масонства и его действительные корни, проследить его эволюцию и развитие, а также оценить его влияние на британскую и американскую культуру в период становления этого тайного общества, расцвет которого пришелся на конец восемнадцатого века. Мы также попытались понять, почему масонство, к которому в современном мире относятся с ярым подозрением, насмешкой, иронией и недоверием, в свое время получило такое широкое распространение и остается сегодня, несмотря на нападки критиков, весьма влиятельной организацией.

При работе над книгой мы неизбежно сталкивались с теми вопросами, которые занимают современное общественное мнение и часто освещаются в средствах массовой информации. Коррумпированы ли масоны? Являются ли они – что еще хуже – многочисленной международной тайной организацией с какими-то непонятными и (если таинственность может служить синонимом злодейства) гнусными целями? Или это средство получения дополнительных доходов, преимуществ, влияния и власти в финансовых институтах и полиции? И самое главное: действительно ли масонство враждебно христианской религии? Эти вопросы прямо не ставятся на страницах книги, но проявляются в виде вполне объяснимого общего подтекста. Поэтому найденные в процессе исследований ответы на них кажутся нам вполне уместными.

Читатель проявил бы похвальную мудрость, если бы вместо того, чтобы воскликнуть: «И ты, Брут!», – он печально кивнул бы головой и согласился: «Да, похоже». Принимая во внимание человеческую природу, не стоит удивляться присутствию коррупции в общественных и частных организациях, причем не вся эта коррупция имеет отношение к масонам. Тем не менее

нам хотелось бы сказать, что коррупция отражает не столько суть франкмасонства, сколько способы, с помощью которых оно, как и любая другая подобная структура, может быть испорчено. Такие пороки, как жадность, стремление к величию и фаворитизм, поразили человеческое общество еще на заре цивилизации. Они проявлялись и действовали любыми доступными путями – через кровное родство, общее прошлое, через связи, завязавшиеся в школе или в армии, через цеховые интересы, обычную дружбу, а также расовую, религиозную и политическую принадлежность. Масонов, к примеру, обвиняют в предоставлении преимуществ членам их организации. Однако до недавнего времени на христианском Западе человек мог ожидать от своих товарищей точно такого же особого отношения просто из-за своей принадлежности к «братству» христиан – другими словами, на основании того, что он не был индуистом, мусульманином, буддистом или иудеем. Масонство – это лишь один из множества каналов проявления коррупции и фаворитизма, и если бы масонов не было, коррупция и фаворитизм цвели бы не менее пышно. С этими пороками можно столкнуться в школах, воинских частях, промышленных корпорациях, государственных органах, политических партиях, в сектах, церквях и бесчисленном множестве других организаций. И ни одна из этих организаций не является изначально порочной. Никому не придет в голову обвинять всю политическую партию или церковь из-за коррумпированности отдельных ее членов или оттого, что они с большей симпатией относились к своим собратям, чем к чужакам. Никто не станет обвинять сам институт семьи в том, что он является источником семейственности и кумовства.

В любой моральной оценке этих аспектов необходимо учитывать элементарную психологию и проявить хотя бы минимум здравого смысла. Общественные институты не более добродетельны или порочны, чем входящие в них люди. Если организация и может быть признана коррупционной по своей сути, то лишь в том случае, когда она извлекает пользу из коррумпированности своих членов. Это определение может быть справедливым, скажем, для военной диктатуры, для определенных тоталитарных или однопартийных режимов, но вряд ли применимо к масонству. Еще никто не высказывал предположения, что масонский орден что-то приобрел благодаря неблагоприятным поступкам своих членов. Наоборот, проступки отдельных франкмасонов носят исключительно эгоистичный и своекорыстный характер. В целом масонство страдает от таких действий – точно так же, как христианству наносят ущерб прегрешения единомышленников. Таким образом, в вопросе коррупции масонство является не преступником, а, наоборот, еще одной жертвой беспринципных людей, которые готовы использовать его, наряду со всем остальным, в своих собственных целях.

Более важный вопрос – это совместимость или несовместимость масонства с христианством. Постановка этого вопроса предполагает по меньшей мере попытку предъявить обвинение самой сути масонства, а не тем способам, которыми его можно было эксплуатировать или исказить. Как бы то ни было, а противопоставление масонства и христианства является неправомерным. Хорошо известно, что масонство никогда не претендовало на то, чтобы быть религией, а объявляло свою приверженность определенным принципам, или «истинам», которые в некотором смысле можно истолковать как «религиозные», или, возможно, «духовные». Оно могло предлагать определенную методологию, но никогда не претендовало на разработку теологии.

Это различие станет понятнее в процессе знакомства с книгой. В данный момент достаточно сделать два замечания относительно существующей антипатии к франкмасонству со стороны англиканской церкви. В свете озабоченности современной церкви по поводу засилья масонов в ее рядах на эти аспекты обычно не обращают внимания, хотя они чрезвычайно важны.

Во-первых, франкмасонство и англиканская церковь прекрасно сосуществовали еще с начала семнадцатого столетия. Более того, это было не простое сосуществование. Они действовали в одной упряжке. Некоторые самые влиятельные англиканские проповедники последних

четырёх столетий происходили из масонов, а часть самых ярких и влиятельных масонов вышли из духовного сословия. Церковь никогда, за исключением последних пятнадцати лет, не нападала на масонов и даже не рассматривала вопрос о несовместимости масонства и ее собственных теологических принципов. Франкмасонство не изменилось. Церковь утверждает, что она тоже осталась неизменной, по крайней мере, в своих фундаментальных догматах. Почему же теперь возник конфликт, не имевший места в прошлом? Ответ, по всей вероятности, связан с сутью масонства, а не со взглядами и менталитетом современного духовенства.

Второй аспект отношений масонов и церкви, на котором стоит остановиться, выглядит более определенным. Официальным главой англиканской церкви является британский монарх. Теологический статус монарха – то есть, если можно так выразиться, его «мандат», – не подвергался сомнению со времен свержения Якова II в 1688 году. Однако с начала семнадцатого века монархия была тесно связана с масонством. Масонами были по меньшей мере шесть королей, а также бесчисленное количество принцев крови и принцев-консORTОВ. Разве при таком положении возможны какие-либо противоречия между масонами и церковью? Провозглашение таких разногласий равносильно оспариванию религиозного единства монархии.

В конечном итоге мы пришли к выводу, что нынешние споры вокруг масонства – это буря в стакане воды, собрание несуществующих или ложных проблем, раздутых до состояния, которого они не заслуживают. Здесь легко поддаться искушению и предположить, что людям больше нечем заняться и поэтому они изобретают такие незначительные поводы для споров. Как это ни прискорбно, но у них есть чем заняться. Совершенно очевидно, что англиканская церковь, с зарождающимся в ее рядах расколом и катастрофически уменьшающейся паствой, может более конструктивно использовать свою энергию и ресурсы, чем организация крестовых походов против предполагаемого врага, который на самом деле врагом не является. Для средств массовой информации очень уместно и даже желательно бороться с коррупцией, но было бы гораздо лучше, если бы к ответу призывались сами коррупционеры, а не общественный институт, членами которого они являются.

В то же время следует признать, что сами масоны почти ничего не сделали, чтобы улучшить собственный образ в глазах общественности. И действительно, своей чрезмерной секретностью и упрямой настороженностью они лишь усилили подозрение, что им есть что скрывать. Тот факт, что прятать им практически нечего, станет очевидным в процессе знакомства с этой книгой. Если уж на то пошло, оснований для гордости у них больше, чем для стыда.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Весной 1978 года, когда в процессе работы над телевизионным документальным фильмом мы изучали материалы о рыцарях Храма, нас заинтересовала история этого ордена в Шотландии. Документов сохранилось очень мало, но в Шотландии осталось гораздо больше, чем в других местах, легенд, связанных с тамплиерами. Натолкнулись мы и на настоящие тайны – необъяснимые загадки, которые традиционная история за отсутствием достоверных сведений даже не пыталась исследовать. Если бы нам удалось приподнять завесу тайны и обнаружить за этими легендами и сказаниями зерно истины, это был бы огромный вклад не только в изучение истории ордена тамплиеров – значение этих находок простиралось бы гораздо дальше.

Не так давно одна наша знакомая переехала вместе с мужем в Абердин. Вернувшись на некоторое время в Лондон, супруги рассказали нам историю, которую слышали от человека, некоторое время проработавшего в небольшой туристической фирме. Он служил в гостинице, расположенной в бывшем морском курорте на западном побережье озера Лох-О в гористой местности неподалеку от Аргайлла. Лох-О – это большое озеро в двадцати пяти милях от Обана. Длина самого озера составляет двадцать восемь миль, а ширина колеблется от полумили до мили. В озере насчитывается две дюжины островов разных размеров: естественных и сделанных руками человека, которые раньше были соединены с берегом при помощи небольших дамб из камней и бревен, по большей части осыпавшихся. Местные жители верили, что в Лох-О, как и в озере Лох-Несс, живет чудовище, которое они называли «Beathach Mor» и описывали как змееподобное существо с лошадиной головой и двенадцатью ногами, покрытыми чешуей.

По словам наших информаторов, на одном из островов озера располагалось несколько могил тамплиеров – гораздо больше, чем могла объяснить официальная история, поскольку ей ничего не было известно об активности тамплиеров в районе Аргайлла и запада горной Шотландии. Более того, на том же самом острове якобы сохранились развалины прецептории тамплиеров, которая не фигурировала ни в одном списке владений ордена. Мы получили эту информацию из третьих рук, и название острова в рассказе звучало как Иннис Шилд, но, не зная написания, мы не могли быть в этом уверены.

Эти разрозненные фрагменты информации, даже ничем не подтвержденные и до обидного туманные, все же не давали нам покоя. Подобно многим нашим предшественникам, мы были знакомы с туманными слухами о том, что немало тамплиеров пережили период преследований и официального роспуска своего ордена в 1307-1314 годах. Нам были известны рассказы, что одна группа рыцарей, вырвавшаяся из рук своих мучителей в континентальной Европе и Англии, нашла убежище в Шотландии и – по крайней мере, временно – даже восстановила некоторые из своих институтов. Однако мы знали и о том, что большинство подобных слухов были инспирированы в восемнадцатом веке масонами, которые стремились доказать, что ведут свое происхождение от ордена тамплиеров, существовавшего четырьмя веками ранее. Таким образом, настроены мы были весьма скептически. Мы знали, что не существует документальных свидетельств деятельности тамплиеров в Шотландии, и даже современные масоны в целом отвергали подобные утверждения как чистый вымысел или принятие желаемого за действительное.

Тем не менее история об острове посреди озера продолжала будоражить наши умы. Этим летом мы все равно планировали исследовательскую поездку в Шотландию, правда, на самый восток страны. Может быть, стоит в оставшееся свободное время проехать на запад – хотя бы для того, чтобы опровергнуть услышанную историю, раз и навсегда выбросив ее из головы? Поэтому мы решили продлить наше путешествие на несколько дней и возвращаться домой через Аргайлл.

Спустившись к северной оконечности озера, мы сразу же увидели прятанный за верхушками сосен большой замок пятнадцатого века, резиденцию Кэмпбеллов. Далее наш маршрут пролегал по восточному берегу озера. Через пятнадцать миль справа, ярдах в пятнадцати от берега, показался остров. На нем находились руины замка тринадцатого века, который в 1308 году был захвачен сэром Нейлом Кэмпбеллом, близким другом, союзником и зятем Роберта Брюса. В течение следующих полутора столетий замок был главной резиденцией клана Кэмпбеллов, после того как в Инверэри, в верхней части залива Лох-Файн, был построен новый замок, а старый превратился в тюрьму для врагов Кэмпбеллов – или графов Аргайллов, которыми они впоследствии стали.

В миле к югу от этого места находился меньший по размерам остров, едва различимый за обрамлявшими берег деревьями и кустарниками. Остановившись, мы разглядели на острове остатки какого-то сооружения, а также камни, которые могли быть могильными плитами. На противоположной стороне дороги раскинулась небольшая деревушка. Сам остров, если верить нашей карте, назывался Innis Searraiche или Innis Sea-ramhach. Мы быстро пришли к заключению, что это и есть остров Иннис Шилд, который мы разыскиваем.

Остров лежал примерно в сорока ярдах от берега, вдоль которого на воде покачивались несколько лодок, причем большая часть их выглядела явно исправными и регулярно используемыми. Надеясь нанять лодку и на веслах добраться до острова, мы направились в деревню. Однако здесь мы столкнулись со странной уклончивостью местных жителей. Несмотря на то что местность была исключительно красивой, что предполагало наличие туристической отрасли, мы не почувствовали себя желанными гостями. Нас настороженно спрашивали, зачем нам нужна лодка. Исследовать остров, отвечали мы. Тогда нам заявляли, что здесь никто не сдает внаем лодок. Можем ли мы в таком случае нанять человека, который доставил бы нас на своей лодке на остров? Нет, ответили нам, это тоже невозможно, причем никто не приводил никаких объяснений.

Разочарованные отказом, мы слонялись по берегу и все больше укреплялись в убеждении, что остров скрывает что-то достойное внимания. Остров, отделенный от нас полоской воды, находился буквально в двух шагах, такой близкий и такой недостижимый. Он как магнитом притягивал нас. Мы обсуждали возможность добраться до него вплавь и спорили о температуре воды, когда к северу от деревни повстречали пожилую супружескую пару с палаткой, поставленной рядом с автомобильным фургоном. После обмена обычными любезностями нас пригласили на чашку чая. Выяснилось, что супруги тоже приехали из Лондона. Последние пятнадцать лет, или около того, они каждое лето приезжали в эти места, ставили палатку и рыбачили вдоль всего побережья озера Лох-О.

Внутри фургона мы примостились на длинной скамье у одного края стола. С другой стороны стоял еще один стол, поменьше, или просто какая-то плоская поверхность, служившая, по всей вероятности, для приготовления пищи. На ней лежала раскрытая книга с гравюрой, на которой было изображено масонское надгробие – мы заметили масонские символы и череп со скрещенными костями. Из этого мы сделали вывод, что это какой-то масонский «справочник», использовавшийся в восемнадцатом веке. Как бы то ни было, мы поинтересовались, причем крайне осторожно, распространенностью масонства в данной местности. После этого книга была быстро, но аккуратно закрыта, а ответом на наш вопрос послужило равнодушное пожатие плечами.

Мы спросили хозяев, знают ли они что-нибудь об острове. Не очень-то много, ответили они. Да, там действительно есть какие-то развалины. Есть там и могилы, но не очень много. И они не такие уж старые. Супруги даже сообщили, что некоторые из могил совсем свежие. По их словам, остров имел какое-то особое значение. Они не стали выдвигать предположения, что это могло быть, рассказав, что тела для погребения иногда доставлялись из отдаленных мест – даже переправлялись самолетом через Атлантику из Соединенных Штатов.

Совершенно очевидно, что все это не имело никакого отношения к тамплиерам тринадцатого или четырнадцатого века. Возможно, это всего лишь традиция местных жителей, потомки которых в соответствии с древним ритуалом или обычаем завещали хоронить себя на земле предков. С другой стороны, здесь могла существовать какая-то связь с масонством, но эту тему наши хозяева явно не желали обсуждать. Однако у супругов была собственная лодка, которую они использовали для рыбалки. Мы спросили, можно ли взять лодку напрокат, или не согласятся ли они доставить нас на остров. Поначалу они упирались, повторяя, что на острове мы не найдем ничего интересного, но затем, как будто заразившись нашим любопытством, муж согласился отвезти нас на остров, пока жена приготовит нам еще по чашке чая.

Остров разочаровал нас. Он оказался очень маленьким, не более тридцати ярдов в поперечнике. На нем мы нашли развалины небольшой часовни, от которой сохранились лишь некоторые фрагменты стен высотой в несколько футов. Не было никакой возможности определить, действительно ли покрытые мхом руины являются остатками часовни тамплиеров. Для прецептории они были явно малы.

Что касается могил, то большинство из них, как нам и говорили, оказались относительно свежими. Самые старые датировались 1732 годом, а последние – 60-ми годами двадцатого века. Попадались и знакомые фамилии – Джеймсон, Макаллум, Сен-Клер. На одном из могильных камней времен Первой мировой войны мы увидели масонские крест и циркуль. Остров был явно связан с местными семьями, часть из которых имели отношение – возможно, совершенно случайно – к масонству. Однако здесь не обнаружилось ничего, что могло бы принадлежать тамплиерам. Таким образом, история о кладбище рыцарей Храма не нашла подтверждения. Если это место и было окутано тайной, то тайна эта была местного значения.

Разочарованные, мы решили найти место для ночлега, чтобы спокойно собраться с мыслями и по возможности выяснить, почему полученная нами информация оказалась до такой степени искаженной. Мы продолжили путешествие вдоль восточного побережья озера по дороге, которая вела к Лох-Файн и далее в Глазго. Когда начало смеркаться, мы остановились в деревушке Килмартин у южной оконечности озера и спросили, где здесь можно найти ночлег. Нас отправили к большому отремонтированному дому в нескольких милях от деревни, располагавшемуся рядом с какими-то древними кельтскими развалинами. Поселившись в гостинице, мы вернулись в Килмартин, чтобы пропустить по стаканчику в местном пабе.

Килмартин был несколько больше нашей деревушки, но все же представлял собой типичную деревню, с автозаправкой, пабом, приличным ресторанчиком и двумя дюжинами домов, выстроившихся вдоль одной стороны дороги. На краю деревни располагалась большая приходская церковь с башенкой. Все здание было либо построено, либо коренным образом реконструировано в прошлом столетии.

Мы не рассчитывали найти что-нибудь интересное в Килмартине, и на церковный двор нас привело чистое любопытство. Однако именно здесь, на территории приходской церкви, а не на острове посреди озера расположились ровные ряды сильно выветрившихся надгробий. Мы насчитали около восьмидесяти вертикально стоящих плит. Некоторые так глубоко вросли в землю, что уже заросли травой. Другие сохранились гораздо лучше, явственно выделялись среди более современных памятников и фамильных склепов. Многие из надгробных плит, особенно более новых и хорошо сохранившихся, были украшены искусной резьбой – декоративными узорами, семейными или клановыми девизами, нагромождением масонских символов. Другие плиты время сделало почти гладкими. Нас же заинтересовали надгробия, на которых не было никаких украшений, кроме одного-единственного прямого меча, простого и строгого.

Эти мечи отличались по своему размеру и иногда, хотя и очень незначительно, по форме. В соответствии с традицией того времени меч умершего воина клали на могильную плиту; контур меча обводился, а затем высекался на камне. Таким образом, резьба в точности повторяла размеры, форму и стиль настоящего оружия. Именно такой одинокий анонимный меч

украшал самые старые могильные камни, которые сильнее всего были разрушены временем и непогодой. На более поздних надгробиях к мечу были добавлены имена и даты, а впоследствии декоративный орнамент, семейные и клановые девизы, масонские символы. Обнаружилось также несколько женских могил. Похоже, мы нашли именно то кладбище тамплиеров, которое искали.

Само существование в Килмартине этих ровных рядов могил должно было вызывать вопросы не только у нас, но и у других посетителей церкви. Кем были похороненные здесь воины? Почему столько воинов были погребены в таком уединенном месте? Какое объяснение дают этому факту местные власти и краеведы? Мемориальная доска на церкви практически не давала ответа на эти вопросы. Она сообщала, что самые первые могильные камни датируются примерно 1300 годом, а последние – началом восемнадцатого столетия. Большинство надгробий, утверждала надпись на доске, были сделаны группой скульпторов, работавших в окрестности озера Лох-О в конце четырнадцатого и в пятнадцатом веках. Какая группа скульпторов? Если бы они действительно были объединены в формальную «группу» или организацию, то в Килмартине о них обязательно сохранились бы и другие сведения. Кроме того, в те времена у скульпторов не было обыкновения объединяться – только с определенной целью или под чьим-то покровительством, например, короля, аристократа или религиозного ордена. Как бы то ни было, если табличка почти ничего не сообщала о том, кто высек эти надгробия, еще меньше информации в ней было о тех, кто похоронен под ними. Об этом не упоминалось вообще.

В противоположность тому впечатлению, которое оставляют книги, фильмы и романтизированные легенды, в начале четырнадцатого столетия меч считался дорогой и относительно редкой вещью. Поэтому у многих воинов его просто не было. Те, кто победнее, использовал в бою топоры или копья. По этой же причине в Шотландии, и особенно в этой ее части, производство оружия не было достаточно развито. Большинство клинков, использовавшихся внутри страны, привозилось из-за границы, что делало их еще более дорогими. Учитывая эти обстоятельства, могилы в Килмартине не могли принадлежать простым воинам, этому «пушечному мясу» четырнадцатого века. Наоборот, люди, память о которых была увековечена надгробиями, занимали высокое положение в обществе – состоятельные граждане, влиятельные дворяне и даже настоящие рыцари.

Но разве можно поверить, что богатых и влиятельных людей хоронили анонимно? В четырнадцатом веке известные люди в большей степени, чем сегодня, гордились своей семьей, своими предками, своим происхождением; особенно справедливо это для Шотландии, где клановым связям и отношениям уделялось повышенное внимание, а происхождение и родословная всегда уважительно подчеркивались. Такие вещи настойчиво выделялись при жизни и должным образом увековечивались после смерти.

И последнее: почему на самых ранних надгробиях Килмартина – анонимных могилах с прямым мечом – отсутствуют какие-либо христианские символы, в том числе самый главный из них, крест? В эпоху, когда гегемония христианства в Западной Европе была практически неоспорима, только надгробия с портретами были лишены христианской иконографии; такие могильные плиты помещались в часовнях или церквях. Однако камни в Килмартине располагались снаружи, а также были лишены портретов и религиозных символов. Может быть, рукоятка меча сама по себе должна была символизировать крест? Или похороненные здесь люди не считались христианами?

С 1296 года сэр Нейл Кэмпбелл – друг и союзник Роберта Брюса, ставший затем его зятем, – занимал должность «балы» Килмартина и Лох-О, а сам Килмартин был одной из его резиденций. Поэтому вполне логично предположить, что первые могилы принадлежали людям из окружения сэра Нейла. Однако это не объясняет ни их анонимности, ни отсутствия христианской символики. Конечно, есть вероятность, что служившие под началом сэра Нейла

люди были родом не из этих мест, не обязательно исповедовали христианство и имели веские причины скрывать свое имя даже после смерти.

Занимаясь исследовательской деятельностью, мы изучили большинство развалин прецепторий тамплиеров, сохранившихся до наших дней в Англии, а также большое количество подобных мест во Франции, Испании и на Ближнем Востоке. Мы были знакомы – причем, достаточно глубоко – с разнообразными примерами скульптуры тамплиеров, их эмблемами и украшениями, а также с немногими сохранившимися могилами рыцарей Храма. Эти могилы обладали теми же приметами, что и могилы в Килмартине. Они были необыкновенно просты, строги и лишены украшений. Довольно часто, хотя и не всегда, они отмечались простым прямым мечом. Кроме того, они обязательно были анонимными. Именно анонимность надгробий тамплиеров отличала их от украшенных затейливой резьбой надгробных плит и саркофагов знати. Как бы то ни было, а тамплиеры принадлежали к монашескому ордену, сообществу монахов-воинов, солдат и мистиков. Предполагалось, что они отрекаются – по крайней мере, теоретически – от всех благ материального мира. Становясь рыцарями Храма, они отказывались от индивидуальности, всецело подчиняя себя ордену. Простое, лишенное всяких украшений изображение прямого меча должно было свидетельствовать об аскетичном и жертвенном благочестии, которое обреталось в рядах ордена.

Историки – и особенно масонские историки – уже давно стремились либо доказать, либо окончательно опровергнуть версию о том, что тамплиеры укрылись в Шотландии после того, как их орден стал подвергаться репрессиям в других странах. Однако эти историки искали документы (и в документах), а не «на земле». Неудивительно, что они не обнаружили веских доказательств ни одной из версий – большинство относящихся к этой теме документов были утеряны, уничтожены, скрыты, фальсифицированы или намеренно дискредитированы. С другой стороны, историки Аргайлла, знавшие о могилах в Килмартине, не имели оснований связывать их с тамплиерами, поскольку не сохранилось никаких сведений об активности храмовников или даже об их присутствии в этом регионе. Если речь идет о Европе, то наибольшим влиянием тамплиеры пользовались во Франции, Испании, Германии и Англии. Их официальные владения в Шотландии – по крайней мере те, о которых остались упоминания в документах – располагались на востоке страны в районе Эдинбурга и Абердина. Если вы специально не искали анклав ордена в окрестностях Аргайлла, то у вас не было никаких причин предполагать его существование в этом регионе. Таким образом, могилы в Килмартине хранили свой секрет от историков, принадлежащих к обоим лагерям – как от летописцев тамплиеров и франкмасонов, так и от местных краеведов, у которых не было оснований даже подумать о тамплиерах.

Излишне говорить, насколько мы были взволнованы нашим открытием. Кроме того, мы чувствовали, что оно связано не только с тамплиерами, и это придавало ему особое значение. Похоже, мы обнаружили логическую связь между самыми ранними могилами Килмартина (теми, которые предположительно принадлежали тамплиерам) и более поздними, украшенными семейными гербами, девизами кланов и масонской символикой. Создавалось впечатление постепенной эволюции надгробий, как будто более поздние путем ассимиляции и усложнения развились из самых первых. Мотивы остались неизменными, но с годами все более усложнялись; украшения и орнаменты поздних лет не замещали прямой меч, а добавлялись к нему. Похоже, могилы в Килмартине представляли собой скромное, но в то же время выразительное свидетельство непрерывного развития – свидетели истории, растянувшейся на четыре столетия, от начала четырнадцатого века до начала девятнадцатого. В тот же вечер в пабе мы попытались расшифровать летопись, запечатленную в могильных камнях.

Может быть, мы действительно натолкнулись на анклав беглых тамплиеров, которые после роспуска их ордена нашли убежище в этой части Аргайлла, которая была в те времена безлюдной и дикой? Может быть, среди беглецов были те, кто прибыл из-за границы? В четырнадцатом веке до Аргайлла было нелегко добраться по суше, но морской путь сюда был хорошо

известен, а тамплиеры обладали мощным флотом, который так и не был найден их гонителями в Европе. Может быть, эти зеленые, покрытые лесом холмы и долины когда-то скрывали целую общину рыцарей в белых мантиях, похожую на «затерянный город» приключенческого романа? Может быть, ордену удалось сохранить себя, со всеми его ритуалами и обычаями? Но для того, чтобы сохраниться и в следующих поколениях, рыцари должны были секуляризоваться или, по крайней мере, отказаться от обета воздержания и вступить в брак. Может быть, именно этот процесс и отражали могильные камни – постепенное смешение тамплиеров – посредством браков – с членами клановой системы? И не стал ли альянс между храмовниками и кланами Аргайлла одной из тех ниточек, которая впоследствии привела к масонству? Может быть, в камнях Килмартина содержится ответ на один из самых загадочных вопросов европейской истории – о происхождении и развитии масонства?

Ничего из обнаруженного в Килмартине мы не включили в свой фильм, сценарий которого к тому времени был уже частично готов. Дело в том, что фильм рассказывал в основном о деятельности тамплиеров во Франции и на Святой Земле. Мы чувствовали, что если наши находки в Шотландии подтвердятся, эта тема будет достойна отдельного фильма. Как бы то ни было, а на тот момент мы имели лишь правдоподобную теорию, верность которой не позволяла подтвердить отсутствие необходимых документов.

Мы изучили работы самого известного из историков этого региона, Мэрион Кэмпбелл, а также вступили с ней в личную переписку. Она советовала остерегаться преждевременных выводов, но была заинтригована выдвинутой нами теорией. Отсутствие документального подтверждения существования владений тамплиеров в Аргайлле, писала она, указывает скорее на отсутствие записей, чем на отсутствие тамплиеров. Она считала возможным, что именно прибытие в этот регион тамплиеров объясняет присутствие анонимного прямого меча среди более традиционных и известных кельтских орнаментов и мотивов.

Кроме того, мы просмотрели все доступные работы, посвященные надгробным камням Килмартина, от исследований любителей истории девятнадцатого века до более поздних работ, опубликованных в 1977 году при содействии Королевской комиссии по памятникам истории и культуры Шотландии. К нашему разочарованию, большая часть этого материала была посвящена в основном более поздним и искусно украшенным надгробиям. Самые старые плиты с анонимными мечами по большей части игнорировались – вполне возможно, просто потому, что о них не было ничего известно и сказать авторам было нечего. Тем не менее обнаружились кое-какие важные факты. От Мэрион Кэмпбелл, например, мы узнали, что надгробия на церковном дворе в Килмартине не всегда находились там. Некоторые располагались внутри церкви, а если точнее, то внутри гораздо более древней церкви, которая стояла на этом месте прежде. Другие были разбросаны по окрестностям и только позже перенесены на церковный двор. Мы также узнали, что кладбище в Килмартине не единственное собрание таких могильных плит в регионе. На самом деле их насчитывалось не меньше шестнадцати. Однако в Килмартине, похоже, было больше всего древних надгробий с анонимным прямым мечом.

На основании всей этой информации можно было сделать три совершенно определенных вывода. Во-первых, происхождение резьбы на могильных плитах, и особенно самой старой, так и осталось загадкой. Во-вторых, и с этим соглашались практически все, самые первые изображения датировались началом четырнадцатого века – эпохой, когда в Шотландии правил Роберт Брюс, а рыцари Храма подвергались гонениям во всей остальной Европе. Третий вывод заключался в том, что могилы с анонимным прямым мечом относились к новому стилю, который появился в регионе неожиданно и необъяснимо, хотя во владениях тамплиеров эта символика использовалась повсеместно еще до ее внезапного появления в Аргайлле. Мы уже убедились, что с точки зрения хронологии самые старые могильные камни в Килмартине точно так же попадали в самую точку, как и церковь в Гарвее в Херефордшире, которая, вне всякого сомнения, принадлежала тамплиерам.

В книге «Резные плиты с изображениями в христианском мире» (1976), последней из опубликованных работ Ф. А. Гринхилла, содержатся результаты исследований ученого, посвятившего жизнь составлению реестра средневековых захоронений по всей Европе, от Балтики до Средиземноморья, от Риги до Кипра. Среди 4460 могил, описанных и включенных в реестр, встречаются, хотя и очень редко, надгробия без надписей. Могилы воинов попадаются еще реже. В Англии, например, Гринхилл обнаружил только четыре такие могилы, не считая могилы в Гарвее, о которой ему ничего не было известно. В Ирландии он нашел только одну такую могилу. Во всей Шотландии, за исключением Аргайлла, тоже обнаружилось одно захоронение. В Аргайлле ученый обнаружил шестьдесят безымянных могил воинов. Таким образом, становилось совершенно очевидно, что подобная концентрация могильных плит в Килмартине и его окрестностях является уникальной. И почти такой же уникальной можно считать необычно высокую концентрацию масонских могил.

Еще одним важным источником доказательств стали для нас материалы Израильской ассоциации археологических исследований, которая провела раскопки древнего храма тамплиеров в Атлите на Святой Земле.

Атлит был построен крестоносцами в 1218 году и оставлен ими в 1291 году, вместе с остальными владениями Иерусалимского королевства. Во время раскопок замка обнаружилось кладбище с сотней вертикальных могильных плит. Большинство из них, разумеется, были сильно разрушены, и поверхностная резьба, подобная прямым мечам, обнаруженным нами в Шотландии, не сохранилась. Однако более глубокие рисунки не стерлись, и они оказались чрезвычайно интересными. Изображение, найденное на могиле одного из командиров флота тамплиеров – возможно, адмирала, – представляло собой большой якорь. В другом, почти полностью стертом, рисунке можно было различить масонские угольник и отвес. На одной из могил – считается, что в ней похоронен «мастер каменщиков тамплиеров» – изображены крест и украшения в виде молотка и угольника каменщика. Это одни из самых старых – третьи по возрасту, если быть точным – изображений масонских символов. Одно, более старое, находится в Реймсе и датируется 1263 годом. Второе, примерно того же возраста, тоже найдено во Франции, в бывшей прецептории тамплиеров в Кот Д'Ор. Это убедительное доказательство в пользу теории «летописи в камне», которую мы пытались расшифровать в Килмартине. Если мы правильно поняли эту летопись, то она говорит о давних и важных связях между тамплиерами и тем, что впоследствии превратилось в масонство.

Воодушевившись сделанным открытием, мы забыли о первоначальной цели своего путешествия в Аргайлл – поисках кладбища тамплиеров на одном из островов озера Лох-О. Мы предположили, что рассказ о могилах был каким-то образом искажен и на самом деле речь шла о Килмартине. В то время мы не знали, что посетили совсем другой остров.

Осенью 1987 года мы вернулись в Аргайлл и к озеру Лох-О. К этому времени мы уже знали, что остров, ставший причиной нашего первого визита в эти края, назывался не Innis Searraiche, а Inishail и располагался в нескольких милях севернее. (Первый раз мы просто проехали мимо, даже не заметив его.)

Однако если Inishail и был «тем самым» островом, его посещение оказалось не более плодотворным, чем визит на Innis Searraiche девять лет назад. Правда, на этот раз нам не составило труда нанять лодку. Мы обнаружили остатки церкви, датируемые примерно тем же временем, то есть началом четырнадцатого века, но ее архитектура явно не имела никакого отношения к тамплиерам. Нам стало известно, что последняя служба состоялась здесь в 1736 году, а к концу столетия церковь была уже заброшена. Внутреннее пространство церкви, открывшееся нашему взору, представляло собой сплетение травы, сорняков и крапивы, покрывавшее несколько безнадежно стершихся и потрескавшихся могильных плит, устилавших пол. Снаружи мы нашли другие надгробные камни, вросшие в землю и почти неразличимые. Несколько плит поновее все еще стояли вертикально. Среди самых свежих захоронений была могила одиннадцатого

герцога Аргайлла, умершего в 1973 году, а также могила умершего в 1982 году бригадира Реджинальда Феллоуза, кавалера Ордена Британской империи, советника-посланника и бар-ристера, кавалера ордена Почетного легиона.

Человек, у которого мы наняли лодку, рассказал нам, что часто плавал на остров и исследовал его. Он сообщил, что недавно обнаружил могильную плиту, еще не вошедшую в каталог Королевской комиссии по памятникам истории и культуры Шотландии. Предположив, что должны существовать и другие неизвестные плиты, мы пустили в дело перочинные ножи и действительно обнаружили несколько надгробий, но на них ничего нельзя было разглядеть. Если это место должным образом расчистить, то надгробные камни, возможно, и дадут какую-то информацию. Наши неумелые и, наверное, не очень аккуратные раскопки не выявили ничего, что могло бы навести на мысль о тамплиерах. Мы были разочарованы. Но, по крайней мере, мы все-таки узнали правду о до сих пор неуловимом острове.

Объездив окрестности озера Лох-О, мы не нашли ничего более убедительного, чем надгробные камни в Килмартине, – только руины, которые могли иметь отношение к тамплиерам и которые можно было приписать тамплиерам, но без каких-либо серьезных доказательств. Тем не менее на холме к юго-востоку от озера, на развалинах в церкви Kilneuaire, мы обнаружили нечто любопытное. В траве скрывались могильные плиты, очень похожие на более поздние, богато украшенные надгробия в Килмартине. Одна из них была увенчана крестом тамплиеров – никакой ошибки быть не могло. Однако крест не являлся составной частью оригинального, искусно вырезанного орнамента. Он был грубо вырезан, подобно граффити, на камне гораздо позже, предположительно в семнадцатом или восемнадцатом веке. Вряд ли этот крест можно было считать свидетельством присутствия тамплиеров в этом регионе. Тем не менее он указывал на то, что кто-то из местных жителей в последующую эпоху явно интересовался тамплиерами.

Далее мы двинулись на юго-запад мимо впечатляющей крепости замка Sween, расположенного на берегу залива с тем же названием. В начале четырнадцатого века Loch Sween был важным стратегическим пунктом морского пути из Ольстера через острова Айлей и Джура. Крепость, осажденная и захваченная Брюсом в 1308 – 1309 годах, являлась одним из опорных пунктов этого региона. Сам замок, который считается самым старым каменным замком на основной территории Шотландии, явно был морской цитаделью с гаванью для кораблей. Обвалившиеся камни – некоторые из них были обтесаны – указывали места расположения мола, внутренней гавани и пристани. Если тамплиеры, подвергавшиеся преследованиям в Европе, действительно бежали морем в Шотландию, это место можно считать самым подходящим для их высадки.

За стенами замка простиралось море, а через пролив виднелся остров Джура, холмы которого были скрыты облаками. На берегу острова стояла маленькая разрушенная часовня Килмори, построенная в тринадцатом веке. Часовня принадлежала когда-то процветавшему морскому округу.

Внутри часовни и вокруг нее мы нашли около сорока могильных плит того же периода и вида, что и в Килмартине. Но здесь обнаружили два других, более важных предмета, которые являлись вескими – хотя и не такими многочисленными, как нам хотелось, – доказательствами нашей теории.

Обязательной принадлежностью церквей тамплиеров был крест, либо вырезанный над входом, либо стоящий отдельно. Крест мог быть простым или украшенным орнаментом, но форма его оставалась неизменной – лучи одинаковой длины, утолщающиеся на концах. Внутри часовни Килмори находился именно такой «лапчатый» крест, причем изготовлен он был не позднее четырнадцатого века. Если бы подобный крест нашли в любой точке Европы, все, не колеблясь, признали бы его связь с тамплиерами и приписали бы часовню ордену Храма. Более того, внутри часовни лежала могильная плита четырнадцатого века, на камне которой

были вырезаны судно, фигура воина и еще один крест тамплиеров, на этот раз вплетенный в цветочный орнамент.

Но и это еще не все. На той же самой могильной плите четырнадцатого века обнаружилось подтверждение, что наша расшифровка «летописи в камне» была не только логичной, но и в целом верной. Над головой воина с «лапчатым» крестом располагался вырезанный в камне масонский угольник.

Теперь можно было с уверенностью утверждать, что тамплиеры были на Loch Sween и что часовня почти наверняка принадлежала тамплиерам – маловероятно, что она была построена орденом, но в любом случае храмовники использовали ее. С учетом этих обстоятельств принадлежность могил тамплиерам как в Килмартине, так и в других местах этого региона становилась не только возможной, но и вполне вероятной.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РОБЕРТ БРЮС: НАСЛЕДНИК КЕЛЬТСКОЙ ШОТЛАНДИИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

БРЮС И ЕГО БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

18 мая 1291 года под натиском сарацинов пала Акра, последний оплот крестоносцев на Святой Земле, и Иерусалимское королевство, основанное двумя столетиями раньше во время первого крестового похода, окончательно прекратило свое существование. Так закончилась великая европейская мечта о христианском Ближнем Востоке. Известные и святые места Священного Писания – от Египта и Палестины до Ливана и Сирии – остались в руках мусульман и были недоступны для христиан еще пятьсот лет, до самой эпохи Наполеона.

С потерей Святой Земли рыцари Храма лишились не только важнейшего района военных операций, но и изначального смысла своего существования. По крайней мере, в военном отношении им больше нечем было оправдать свое существование. Остальные ордена воинствующих монахов базировались в других местах, и их крестовые походы имели другие цели. Орден госпитальеров сначала обосновался на Родосе, а затем на Мальте и в течение трех веков контролировал Средиземноморье в интересах становившегося все более меркантильным христианского мира.

Тевтонские рыцари уже нашли себе занятие на Балтике, уничтожая языческие племена и утверждая господство христианства на обширной территории, от Пруссии – через Латвию, Литву и Эстонию – до самых берегов Финского залива.

Испанские ордена Сантьяго, Калатрава и Алькантера направили свои усилия на изгнание мавров с испанского полуострова, а португальские Рыцари Христа посвятили себя морским путешествиям. И только тамплиеры – самый богатый, сильный и влиятельный из орденов – остался без цели и без дома. Намерения храмовников основать свою резиденцию в Лангедоке встретили сопротивление и остались мертворожденной идеей.

Полтора десятилетия после падения Акры стали периодом заката ордена тамплиеров. Затем, на рассвете 13 октября 1307 года, король Франции Филипп IV издал приказ арестовать всех тамплиеров в их собственных владениях. На протяжении последующих семи лет центральное место в процессе, начатом французским королем, постепенно занимала инквизиция. По всей Европе тамплиеров арестовывали, подвергали допросам, пытали и казнили. В 1312 году орден Храма был официально распущен папой. В 1314 году последний великий магистр ордена Жак де Моле был сожжен на костре, и орден тамплиеров действительно прекратил свое существование.

Возвышение Роберта Брюса в точности приходится на этот период. Впервые он появляется на исторической сцене в 1292 году, через год после падения Акры, когда ему жалуют титул графа Каррика. Наивысшей точкой в его карьере можно считать битву при Баннокберне в 1314 году, через три месяца после смерти Жака де Моле. В 1306 году, за год до начала репрессий против тамплиеров, Брюс был отлучен от церкви, и эта ссора с папским престолом длилась двенадцать лет. Не признавая Брюса, Рим не имел возможности вести с ним переговоры и проводить свою политику в его владениях. Папские указы больше не имели силы в Шотландии – или, по крайней мере, в той части страны, которая контролировалась Брюсом и лежала, таким образом, «вне правового поля». Следовательно, если строго следовать букве закона, то в этих

районах Шотландии не имел силы папский указ, запрещавший деятельность ордена тамплиеров во всей Европе. Если рыцари ордена, бежавшие от своих преследователей в континентальной Европе, надеялись найти убежище, они могли рассчитывать на покровительство Брюса.

На протяжении нескольких столетий множество легенд и преданий связывало Брюса с тамплиерами, несмотря на то что связь эта не была достоверно установлена. Могильные плиты в Аргайлле являются убедительным доказательством обоснованности этих легенд: надгробия датируются тем же периодом и расположены в регионе, где беглым тамплиерам было совершенно естественно искать убежища. Более того, чем пристальнее мы вглядываемся в Брюса, тем яснее понимаем, что у него и тамплиеров было много общего.

Кельтское королевство Шотландии

Брюса принято считать центральной фигурой в процессе борьбы за независимость средневековой Шотландии. Однако намерения Брюса простирались гораздо дальше – он замыслил нечто более радикальное и амбициозное, чем просто избавление от английского господства. Брюс мечтал – не больше и не меньше – о реставрации уникального Кельтского королевства со всеми кельтскими институтами власти и государства, предполагавшими даже человеческие жертвоприношения.

В средневековых Ирландии и Уэльсе даже в те времена, когда там еще не установили свою власть пришедшие из Англии норманны, не существовало централизованного государства. Обе страны раздирали междоусобные войны многочисленных местных князьков, или вождей кланов. В «начале позднего средневековья» Шотландия была «единственным кельтским государством с полностью сформировавшимися и независимыми политическими институтами».

Во времена Римской империи преобладающим населением Шотландии были пикты, которые продолжали играть важную роль в истории страны вплоть до середины девятого века. Однако в конце пятого столетия на западное побережье Шотландии стали прибывать переселенцы из Ирландии, по большей части из Ольстера. Они основали королевство, получившее название Далриада. Одним из древних опорных пунктов этого королевства был Дунадд, расположенный всего в трех милях от Килмартина. На протяжении 350 лет королевство Далриада на западе страны и пикты, занимавшие всю остальную территорию, с переменным успехом боролись за власть, на некоторое время приобретая доминирующее влияние, а затем снова уступая его. Часто эта борьба принимала насильственные формы, но так было не всегда. Соперничество распространялось также на культурную и династическую сферу, а в определенные периоды отмечался высокий уровень межнациональных браков. Тем не менее, к 843 году Далриада одержала окончательную победу. Нельзя сказать, что пикты потерпели военное поражение – они просто ассимилировались. Культура и язык пиктов полностью, хотя и постепенно, исчезли, и Шотландия под эгидой короля Далриады Кеннета МакАльпина превратилась в единое Кельтское королевство.

Примерно в 850 году в Сcone Кеннет был провозглашен королем всей Шотландии. Внутренние распри, интриги и ссоры – подобные тем, что увековечил Шекспир в своем «Макбете» – не прекратились, но в 1124 году во времена потомка Кеннета МакАльпина короля Давида I окончательно сформировалось феодальное королевство Шотландия. Это произошло через четверть века после того, как крестоносцы основали на Святой Земле Иерусалимское королевство.

Норманны впервые вторглись в Шотландию во времена Вильгельма Руфуса, сына Вильгельма Завоевателя, но до эпохи короля Давида I не предпринимали широкомасштабных или успешных набегов. Сам Давид был чистокровным кельтом, сыном кельтского короля Малькольма III. Тем не менее в период его правления в страну было допущено большое количество норманнских и фламандских рыцарей. Появились в стране и монахи, преимуще-

ственно цистерцианцы. Однако Шотландия продолжала оставаться полностью кельтским королевством. Имеются свидетельства того, что кельтское мышление – как языческое, так и христианское – продолжало существовать здесь достаточно долго. Среди уникальных институтов, основанных Давидом, была должность «королевского стюарда», которая впоследствии превратилась в «стюарта». Именно с этой должности берет свое начало королевская династия Стюартов. Стюард был своего рода наследным управляющим королевского двора или канцлером двора. Подобная должность существовала во Франции при династии Меровингов тремя столетиями раньше и называлась «управляющий дворцом». В конечном итоге «управляющие» сменили Меровингов и основали династию Каролингов. Аналогичным образом в Шотландии Стюарты (правда, мирным путем) пришли на смену династии короля Давида. Первый королевский стюард Уолтер Фиц-Алан происходил из кельтской Бретани и был сыном Алана Фиц-Флалда. Вполне возможно, что среди предков Алана был Шотландский тан Банко из Лохабера, фигурирующий в пьесе Шекспира.

В свите короля Давида был норманнский рыцарь Роберт де Брюс. Давид пожаловал ему во владение долину Аннан, которая считалась стратегически важной дорогой из Карлайла в Шотландию. Кроме того, Брюс был другом английского короля Генриха I и владел обширными землями в Йоркшире. Считается, что семья Брюса происходит из окрестностей современного Брикса, расположенного к югу от Шербура. Однако в последнее время выдвигалось предположение о фламандских корнях Брюса – якобы он вел свое происхождение от Роберта из Брюгге, известного кастеллана этого города, жившего за три четверти века до этого. Роберт исчез из города Брюгге в 1053 году, именно в тот год, когда Матильда Фландрская вышла замуж за герцога Нормандии Вильгельма. Роберт вполне мог сопровождать Матильду во Францию, а потом, тринадцать лет спустя, вместе с ее мужем участвовать во вторжении в Англию.

Несмотря на то, что в эпоху короля Давида Роберт де Брюс вел свое происхождение от норманнов, его прадед женился на прабабке Давида, племяннице кельтских королей Малькольма IV и Уильяма I. Таким образом, Роберт Брюс, впоследствии сыгравший важную роль в истории Шотландии, мог смело утверждать, что принадлежит к древнему роду кельтских королей и является прямым потомком правителя Далриады Кеннета МакАльпина. Брак дочери Роберта Брюса и Уолтера Стюарда, или Стюарта, положил начало королевской династии Стюартов.

До конца тринадцатого века в шотландском обществе кельтский элемент занимал доминирующее положение. Так, например, самыми влиятельными вельможами королевства были тринадцать графов, или танов, которые вели свою родословную и титулы от древнего королевства Далриада. Самым могущественным из них был граф Файф, и ему принадлежало наследственное право усаживать нового правителя Шотландии на трон во время церемонии коронации. Сама коронация по традиции проводилась в Сcone, в двух милях от Перта вверх по течению реки Тей, а трон для церемонии был построен на камне Сконы, который якобы был привезен на это место Кеннетом МакАльпином в 850 году.

Скона считалась священным или почти священным местом еще в докельтские времена, когда здесь жили пикты. Центральным местом Сконы был «холм веры», или, как его сейчас называют, Мут-Хилл. Здесь во время ритуала, корни которого уходят в незапамятные времена, нового монарха сажали на камень и вручали ему символы королевской власти, в число которых входили, по всей видимости, скипетр и мантия. Таким образом, король венчался со своими землями, с народом, которым ему предстояло править, и с самой богиней земли, часто изображавшейся в облике животного. В ирландском варианте этого ритуала в жертву приносили кобылу; затем ее варили, и новый король окунался в эту воду, ел мясо жертвенного животного и пил получившийся бульон. Считалось, что таким образом обеспечивается плодородие земли и плодovitость людского рода.

К двенадцатому веку под влиянием крестовых походов этот архаичный принцип – ответственность монарха за плодородие земли – соединился с эзотерическими иудаистско-христианскими обычаями, в результате чего возник целый свод поэтических произведений, который теперь ПОЛУЧИЛ название романов о Граале. Эти романы, как мы убедимся позднее, имели непосредственное отношение к Шотландии.

Коронация Александра III в 1249 году была типичным шотландским ритуалом, который сохранился в Шотландии спустя много времени после своего исчезновения в других местах. Когда Александра посадили на трон в Сcone, престарелый бард из горной Шотландии на гэльском языке торжественно прочитал генеалогию нового монарха, удостоверив его происхождение из древней Далриады от «первого шотландца». Александра – что вполне уместно для шотландского правителя – всегда сопровождал арфист. Когда король путешествовал, его появлению предшествовало, как того требовала традиция для главы клана, появление семи женщин, которые воспевали его славу и знатность. Вне всякого сомнения, поначалу эта церемония казалась величественной, но быстро должна была стать слишком шумной и затянутой.

Неудивительно, что в такой обстановке власть церкви была минимальной. В девятом веке Шотландия часто становилась убежищем для спасшихся раскольников из Кельтской церкви Ирландии. С одной из таких групп в Шотландию пришла система монастырей, но она никогда не стала такой же влиятельной, как за морем, в Ирландии. В двенадцатом веке, несмотря на приход цистерцианцев, Римско-католическая церковь практически исчезла из страны. В Лотмане, к примеру, после 950 года не было образовано ни одной новой епархии. В Стратклайде за это время тоже не прибавилось ни одной общины.

Тем не менее Кельтскому королевству Шотландии, которое достигло расцвета при Александре III, было суждено умереть вместе с ним. В марте 1286 года в одну из грозовых ночей король, возвращавшийся с заседания совета в Эдинбурге, каким-то образом отделился от своей свиты, а утром был найден со сломанной шеей. Его смерть спровоцировала не только серьезный внутренний кризис и яростную схватку за трон, но и стала предлогом невиданного до сей поры вмешательства Англии в дела Шотландии.

Появление Брюса

Александр умер, не оставив после себя сыновей. Его единственная дочь Маргарет была замужем за королем Норвегии, и шотландцы не хотели, чтобы ими правил норвежец. Поэтому было образовано временное правительство, состоящее из шести «хранителей мира»: графа Файфа, которому принадлежало решающее слово, графа Бьюкена, Джеймса Стюарта, Джона Комина, а также архиепископов Глазго и Сент-Эндруса. Этот совет, представлявший собой нечто вроде регентства, решил возложить корону на дочь Маргарет Норвежской, которую тоже звали Маргарет и которая в то время была еще младенцем. Условились, что по достижении совершеннолетия девочка выйдет замуж за принца Эдуарда, будущего английского короля Эдуарда II. Но в 1290 году по пути из Норвегии домой юная Маргарет умерла, и вопрос о наследнике шотландского престола окончательно запутался. На трон претендовали более дюжины кандидатов, включая Джона Баллиола и деда Роберта Брюса, известного под именем Соперник. Опасность гражданской войны была настолько велика, что епископ Сент-Эндруса пригласил в качестве арбитра короля Англии Эдуарда I. Таким образом, норманнский королевский дом Англии получил право вмешиваться в дела Кельтского королевства Шотландии.

Эдуард не терял времени даром и использовал этот мандат в своих интересах. Встретившись в 1291 году с претендентами на шотландский престол, он заявил о своем намерении самому стать сюзереном Шотландии. Несмотря на протесты, шотландских лордов угрозами и лестью заставили хотя бы частично признать статус английского короля, который тот себе самозванно присвоил. Вырвав это признание, Эдуард решил дело в пользу Джона Баллиола

а, претензии которого были признаны законными. Баллиола короновали в Сcone. Эдуард тут же забыл о своих обещаниях уважать независимость Шотландии, потребовав унижительной покорности и преданности от человека, которого он посадил на трон. В 1294 году претензии английского короля вынудили шотландцев к восстанию. Баллиол заключил союз с Францией и в 1296 году отрекся от своей клятвы верности Эдуарду. Но было уже поздно – армия Эдуарда razорила Бервик и вторглась в Шотландию. Шотландцы потерпели поражение; оставшийся в живых Баллиол был подвергнут публичному унижению и отправлен в ссылку.

Покорив Шотландию, Эдуард повел планомерное наступление на любые остатки, как политические, так и религиозные, древнего Кельтского королевства. Особое внимание было уделено камню Сконы, самому старому священному талисману кельтов. По распоряжению Эдуарда надпись на камне была стерта, а сам камень перевезли из Сконы в Лондон. Большая печать Шотландии была разбита, а королевские архивы конфискованы. В данном случае Эдуард считал самого себя защитником веры – настоящим христианским королем, заботящимся о распространении власти Рима. Чтобы поддерживать этот образ, полезно было подчеркивать языческие аспекты старого Кельтского королевства, которое изображалось не только еретическим, но даже языческим и сатанинским. Распространяя слухи о колдовстве и некромании, Эдуард получал возможность морального и теологического обоснования своего крестового похода с целью аннексии Шотландии.

Шотландия и Ирландия во времена Роберта Брюса.

Подавив сопротивление по всей стране, Эдуард передал бразды правления в руки своего ставленника, графа Уоррена. Уоррен с пренебрежением и надменностью относился к своей роли, и спустя год, в 1297 году, убийством шерифа Ланарка Уильям Уоллес подал сигнал к началу всеобщего восстания против англичан. Затем, объединившись с Уильямом Дугласом, Уоллес совершил нападение на проанглийски настроенный суд в Сконе. Восстание Уоллеса координировалось с другими подобными выступлениями, во главе которых стояли епископ Глазго и Джеймс Стюарт.

Именно на фоне этих бурных событий появилась фигура Роберта Брюса, который возглавил восстание на юге страны. Брюс уже был графом Карриком, владея одним из самых больших кельтских поместий в стране, в которое входил почти весь западный регион, известный как Голуэй. Его последователи и вассалы контролировали обширные пространства в Ольстере, включая весь Северный Антрим, часть территории, которая теперь называется графством Лондондерри, а также остров Ратлин. Собственные владения Брюса, помимо Каррика, включали третью часть земель в Хантингдоне, Гэрлохе и Данди. Как мы уже знаем, в жилах Брюса текла королевская кровь: его прадед женился на женщине, которая вела свою родословную от Давида I.

К концу 1297 года Уоллес употребил все свое влияние, чтобы архиепископом Сент-Эндрюса – самого влиятельного епископата в Шотландии – был избран настоятель собора в Глазго Уильям Ламбертон.

Ламбертон был известен как пламенный патриот, и шотландцы надеялись, что утверждение его в этой должности поможет их борьбе за независимость. Епископ, не мешкая, отправился в Рим, чтобы его избрание было утверждено папой, и по поручению своих братьев по оружию повез обращение к папскому престолу. Тем временем один из могущественных шотландских графов – возможно, сам Брюс – посвятил Уоллеса в рыцари, а в 1298 году он был избран «хранителем Шотландского королевства».

Однако весной этого же года ширившееся восстание стало причиной еще одного крупномасштабного вторжения англичан.

19 и 20 июля английская армия, состоявшая из 2000 всадников и 12 000 пеших воинов, разбила лагерь во владениях тамплиеров на территории, которой владел храм Листона (в настоящее время это территория аэропорта Эдинбурга). Войско Эдуарда было усилено отря-

дом тамплиеров, в состав которого входили – что достаточно примечательно – два высших прелата ордена, магистр Англии и прецептор Шотландии. В это время орден Храма еще не подвергался преследованиям, и у тамплиеров не было никаких причин для опасений. Но даже в этих обстоятельствах связи тамплиеров с английским королем были крайне нерегулярными – аномалия, которой историки так и не нашли удовлетворительного объяснения. Во все времена тамплиерам категорически запрещалось принимать участие в мирских войнах, и особенно против христианских монархов. Единственной целью их существования объявлялось участие в особом рода конфликтах, крестовых походах, которые скрупулезно определялись как военные акции против неверных. Шотландцев вряд ли можно было отнести к неверным, а Шотландия находилась под защитой папы. И действительно, епископ Ламбертон только что лично получил подтверждение своего избрания от папы Бонифация VIII. Единственное объяснение вмешательства тамплиеров в этот конфликт выглядит следующим образом: языческие и древние кельтские традиции среди восставших были распространены настолько широко, что это служило оправданием «маленького крестового похода».

Как бы то ни было, но 22 июля 1298 года в битве при Фолкерке шотландцы потерпели жестокое поражение. Потери англичан выглядели ничтожными. С английской стороны были убиты только двое военачальников. Ими оказались высшие прелаты тамплиеров.

После поражения при Фолкерке Уоллес был вынужден сложить с себя полномочия «хранителя», но восстание продолжалось. Осенью 1298 года восставшие предложили Джону Комину и Роберту Брюсу стать регентами страны, чтобы вместе продолжить борьбу. Однако вскоре Комин и Брюс поссорились, и возникшие между ними трения не только препятствовали совместным действиям против англичан, но и едва не стоили Брюсу жизни. В 1299 году, когда епископ Ламбертон вернулся из Рима, он стал третьим регентом, выступая в качестве арбитра в спорах между своими товарищами. На самом деле Ламбертон симпатизировал Брюсу и вскоре сам поссорился с Комином. Брюс, которому надоели эти разногласия, отказался от должности регента, временно оставил Шотландию в руках Ламбертона и Комина, а сам начал укреплять свои позиции другим путем. Этот путь включал в себя два важных династических союза.

В начале 90-х годов Брюс женился на дочери графа Мара Изабелле, а его сестра Кристина вышла замуж за брата Изабеллы, который унаследовал графский титул. В этом браке у Брюса родилась дочь Марджори, которая в 1315 году выйдет замуж за Уолтера, сына Джеймса Стюарта. Но в 1302 году Изабелла де Мар умерла, и Брюс с завидным хладнокровием и расчетливостью совершил маневр, который привел к его временному союзу с англичанами. Он женился на Элизабет де Бург, дочери графа Ольстера, который был верным сторонником английского короля. Еще со времен Далриады между Ольстером и Карриком, родным графством Брюса, существовали тесные культурные и политические связи. Это заметно и сегодня – по той частоте, с которой префикс «Каррик» встречается в географических названиях Северной Ирландии. Женившись на дочери графа Ольстера, Брюс получил возможность освежить старые связи между своими владениями в Шотландии и ирландскими землями, которыми владели бывшие хозяева Каррика. Теперь он мог получать существенную поддержку – как финансами, так и людьми – с противоположного берега Ирландского моря.

Имея союзников в Ольстере, можно было сохранять важный морской путь для доставки продовольствия и оружия.

Тем временем восстание продолжалось без него. В 1303 году в сражении при Рослине Комин разбил небольшую армию англичан. Успех этот, однако, был временным, потому что в 1305 году Эдуард вновь вторгся в Англию, вынудив Комина признать свое поражение и принести клятву верности английской короне. В 1305 году пленением Уоллеса делу шотландской независимости был нанесен еще один удар. С жестокостью, чрезмерной даже для средневековья, Уоллес был буквально изничтожен. Его протащили за лошадью четыре мили от Вестминстера до Смитфилда, кастрировали, повесили, еще живому вспороли живот, а затем обез-

главили. Тело Уоллеса было разрублено на четыре части, которые выставили на обозрение в разных местах.

Убийство Джона Комина

Уоллес был мертв, а Комин находился под железной пятой англичан. Однако в марте 1304 года, за год до пленения Уоллеса, умер отец Брюса, и Роберт стал прямым претендентом на шотландский престол. Через три месяца, в июне 1304 года, он заключил тайное соглашение с епископом Ламбертоном. Содержание этого соглашения так и осталось неизвестным, но, по словам Барроу, одного из биографов Брюса, «в нем содержались туманные рассуждения о «соперниках» и «опасностях». Теперь принято считать, что соглашение включало в себя план создания независимой Кельтской Шотландии, монархом которой при поддержке Ламбертона станет Брюс. Однако, прежде чем претворять этот план в жизнь, требовалось что-то сделать с Джоном Комином.

Семья Комина, к которой принадлежали лорды графств Бьюкен и Монтейт, была старинной и по влиянию и знатности могла соперничать с семьей Брюса. Сам Джон Комин являлся главой старшей ветви дома и носил множество титулов, в том числе лорда Лохабера, Баденоха и Тайндейла. Несмотря на все ссоры с Брюсом и Ламбертоном, его патриотизм до сих пор никогда не ставился под сомнение. Но после капитуляции перед английским королем Эдуардом в 1304 году он превратился в объект нападков, и репутация его пошатнулась.

Последовавшие события ставят историков в тупик: многое не нашло объяснения еще в те времена, а многое умышленно замалчивалось. Достоверно известно лишь следующее. 10 февраля 1306 года в францисканской церкви в Дамфризе Брюс собственноручно убил соперника. Комин получил удар кинжалом прямо перед алтарем и был брошен умирать на каменном полу церкви. Как свидетельствуют некоторые источники, он умер не сразу, а был перенесен в безопасное место монахами, которые собирались перевязать его рану. Услышав об этом, Брюс вернулся в церковь, притащил Комина назад к алтарю и здесь же добил его. Когда дядя Комина попытался вмешаться, его остановил зять Брюса Кристофер Сетон.

Описание этого события, которое дал через шестьдесят девять лет Джон Барбер, единственный видный хроникер того времени и первый биограф Брюса, отличается странной расплывчатостью – странной, потому что обычно Барбер утомляет своими подробностями, точно указывая имена, даты и цифры. Рассказ о самом убийстве занимает достаточно много места, но практически ничего не говорится о его причинах. Барбер осторожно предполагает, что Брюс и Комин заключили союз против англичан, но Комин искал предлога разорвать его. Выдвигаются предположения, что встреча в церкви была случайной, а убийство не готовилось заранее, а явилось результатом вспышки ярости, последовавшей в ответ на обвинения в предательстве. Однако Барбер сам признает, что существуют и другие объяснения, хотя старательно избегает приводить их. Современные историки подтверждают, что все могло быть не так просто, но предлагаемые ими версии вряд ли можно считать удовлетворительными. Некоторые особенности убийства Комина невозможно объяснить просто нарушением договора или давней антипатией между ним и Брюсом.

Во-первых, существуют убедительные свидетельства, что убийство Комина не стало результатом неконтролируемой вспышки гнева. Наоборот, оно было тщательно продумано и, возможно, отрепетировано. Похоже, Комина намеренно заманили в церковь. Более того, он был вынужден взять с собой свиту из воинов, которые – за исключением его дяди – стояли рядом и не вмешивались.

Невозможно не обратить внимания на то, где произошло убийство. Несмотря ни на что, церковь считалась святым местом, обладающим правом убежища. Было строжайше запрещено проливать кровь в церкви, и этот запрет уважался большинством влиятельных людей той

эпохи. Даже в тех редких случаях, когда убийства совершались в церкви – например, Томаса Бекета – обычно обходилось без кровопролития. То, что Брюс использовал такое «грязное» оружие, как кинжал, вновь притащил Комина к алтарю после того, как его унесли монахи, и не испытывал при этом ни сожаления, ни раскаяния, свидетельствует не просто о потере самообладания. Это был недвусмысленный и явный вызов не только англичанам, на верность которым присягнул Комин, но и Риму. Убийство Комина свидетельствовало не только об отказе подчиниться Эдуарду, но и об отказе подчиниться папе. Более того, оно несло в себе все признаки ритуального убийства – почти церемониальное умерщвление одного претендента на трон другим в святом месте в соответствии с древними языческими традициями. В те времена символический характер поступка Брюса был ясен абсолютно всем, причем мощь этого символизма затмевала сам поступок.

Реакция папы была предсказуемой: Брюса без долгих рассуждений отлучили от церкви, и это отлучение действовало более десяти лет. Однако – и это очень важно – папская булла не произвела никакого впечатления на шотландское духовенство. Ламбертон не проронил ни слова осуждения по поводу деяний своего приятеля и союзника. Никакой реакции не последовало и от епископа Глазго Уишарта, второй по значению епархии в стране, на территории которой и произошло убийство. Как бы то ни было, а оба прелата, похоже, одобряли поведение Брюса – и заранее предполагали его. Как указывает в своей работе Барроу: «Вполне логично предположить, что Уишарт заранее знал, когда будет нанесен удар».

После смерти Комина Брюс немедленно предъявил свои права на престол. Ламбертон поддержал его. Его примеру последовал Уишарт. Избавившись от соперника, Брюс поспешно направился в Глазго, где у него состоялись переговоры с Уишартом. А когда Брюс начал новую военную кампанию против англичан, оба епископа, проявив вопиющее безразличие к Риму, объявили ее истинным крестовым походом.

Получив благословение духовенства, Брюс продолжил захват замков, господствовавших над заливом Ферт-оф-Клайд, защищая таким образом маршруты снабжения своих войск из Ольстера и островов на западе. Как по сигналу, епископ извлек на свет божий спрятанные королевские одежды и знамя с гербом древнего королевского дома кельтов. Тем временем Ламбертон, который должен был находиться в Бервике вместе с английским консулом, направленным для управления Шотландией, исчез из поля зрения. Через шесть недель после смерти Комина он появился в Сcone, короновал Брюса, отслужил мессу в честь нового монарха, признал себя его вассалом и произнес клятву верности. Историки сходятся во мнении, что независимо от обстоятельств смерти Комина церемония в Сcone была подготовлена заранее.

На самом деле имели место две совершенно отдельные коронации. Первая, подробности которой почти не сохранились, была более или менее традиционной и проходила 25 марта 1306 года в церкви аббатства в Сcone. Церемонию вел Ламбертон в сопровождении Уишарта, епископа Мори Мюррея, аббатов Сконы, графов Леннокса, Монтейта, Этола и, возможно, Мара.

Вторая коронация была проведена через два дня, и в соответствии с древней кельтской традицией Брюса посадили на трон Сконы. По традиции на трон его должен был посадить самый знатный пэр страны граф Файф – на протяжении нескольких столетий эта семья выполняла эту почетную обязанность на церемонии коронации шотландских правителей. Но в это время граф Файф едва достиг совершеннолетия и находился в полном подчинении у Эдуарда Английского. Поэтому роль мальчика была поручена его сестре Изабелле, жене одного из кузенов Комина графа Бьюкена, которая для этой церемонии специально приехала из своих владений на севере Англии.

В прошлом историки рассматривали возвышение Брюса и его борьбу за независимость Шотландии исключительно с точки зрения политики, а не культуры. Поэтому кельтские аспекты в большинстве своем игнорировались, и Брюса считали типичным норманнским монархом той эпохи. «И только относительно недавно был признан вклад «кельтской» Шотлан-

дии в эту борьбу». Теперь же становится очевидным, что этот вклад являлся решающим. Брюс был типично кельтским лидером, стремящимся возродить древнее Кельтское королевство, и поэтому его кампания была не только политической, но также культурной и этнической. Так, например, когда в 1307 году Эдуард лежал на смертном одре, сторонники Брюса распространяли слухи о сбывшемся пророчестве Мерлина. В соответствии с этим предсказанием после смерти Эдуарда кельтские народы объединятся, завоюют независимость, создадут собственное королевство (предположительно на обоих берегах Ирландского моря) и будут жить в мире.

Но подобные пророчества были явно преждевременными. Англия и Рим без промедления отреагировали на коронацию Брюса. Если Англия видела в восстановлении кельтской монархии политическую угрозу, то для Рима опасность была еще более серьезной – возвращение Шотландии в лоно старой и, возможно, еретической кельтской церкви или, что еще хуже, к дохристианскому язычеству. Настораживало безразличие шотландцев к отлучению Брюса от церкви. С таким же безразличием были восприняты и последующие грозные послания папы.

Труднее было не заметить реакцию Англии. К этому времени Брюс получил значительную поддержку. Помимо наиболее влиятельных шотландских графов, в верности Брюсу присягнули такие могущественные семьи, как Фрэзеры, Хеи, Кэмпбеллы, Монтгомери, Линдсей и Сетоны, многие из которых сыграют важную роль в истории. Однако этой поддержки оказалось недостаточно, чтобы победить английскую армию на поле боя. На рассвете 19 июня 1306 года в битве при Метвене Эдуард атаковал шотландцев и наголову разбил их. Были захвачены в плен и казнены граф Этол, Саймон Фрэзер, Нейл Брюс, Кристофер Сетон и его брат Джон. Не избежали печальной участи и женщины из лагеря Брюса. Графиня Изабелла Бьюкен, принимавшая участие в коронации Брюса, была посажена в клетку, которую подвесили на внешнюю стену замка Бервик, где она провела около 4 лет, до 1310 года. Сестру Брюса Мэри заточили в такую же клетку в замке Роксбург. Она была освобождена только в 1314 году. Двенадцатилетнюю дочь Брюса Марджори ждала третья клетка в лондонском Тауэре, но за нее вступились влиятельные люди, и девочку отправили в монастырь. По свидетельству многих историков, маниакальная мстительность короля Эдуарда с наибольшей жестокостью проявлялась в обращении с пленными женщинами. Однако здесь следует помнить об уникальной роли женщин в кельтском обществе – они считались жрицами, прорицательницами, хранительницами и продолжательницами королевского рода. В глазах Эдуарда женщины из окружения Брюса были больше похожи на ведьм из «Макбета», чем на норманнских дам.

Армия Брюса была разбита и рассеяна, а он сам бежал, скрываясь сначала в горах Пертшира, а затем в Аргайлле. Из Аргайлла он направился в Кинтайр и далее морем на остров Ратлин у побережья Ольстера. Известно, что здесь он провел часть зимы 1306-1307 года, но другие его передвижения или действия до февраля 1307 года так и остались тайной. Вполне логично предположить, что, находясь в своих владениях в Ольстере, Брюс часть времени потратил на укрепление связей между Ольстером и Карриком и пытался заручиться поддержкой в Ирландии. Вероятно, ему удалось привлечь на свою сторону ирландцев, потому что впоследствии он появился в сопровождении нескольких ирландских дворян и их приближенных.

В феврале 1307 года Брюс вернулся в Каррик со значительными силами и возобновил военные действия против англичан. Вопреки пророчеству смерть Эдуарда в июле того же года не стала сигналом к прекращению вражды. Война в Шотландии не утихала на протяжении следующих семи лет – этот промежуток времени в точности совпадает с периодом преследований тамплиеров в Англии и континентальной Европе – и лишь изредка прерывалась короткими паузами. В 1309 году на заседании парламента в Сент-Эндрусе Брюс был официально провозглашен «королем шотландцев». С этого времени он стал настоящим правителем всей Шотландии и был признан в качестве такового как своим народом, так и правителями других государств, за исключением папы, который отлучил его от церкви, и короля Англии Эдуарда

II. Последний был полон решимости – как и его отец – поставить шотландцев на колени и присоединить их королевство к своим владениям.

Зимой 1310-1311 года Эдуард предпринял новый поход. Учтя опыт Метвена, Брюс не стал давать противнику генерального сражения. Сил у Эдуарда было явно больше. Особенно не хватало шотландцам рыцарей, то есть тяжелой кавалерии, чья массированная атака в критический момент могла сломить самое яростное сопротивление врага. Поэтому Брюс избрал тактику булавочных уколов, набегов, совершаемых легкой кавалерией. Именно такую тактику применяли сарадины на Святой Земле. Кроме того, большие надежды Брюс возлагал на своих опытных лучников.

Тем временем шотландцы начали оказывать англичанам все более упорное сопротивление, демонстрируя жесткую дисциплину и возросшее воинское искусство. Более того, к январю 1310 года они стали получать оружие и провиант из Ирландии. Эти поставки были настолько значительны, что Эдуарду пришлось издать гневный указ:

«Король предписывает канцлеру и казначею Ирландии объявить во всех городах и портах., что под страхом жестокого наказания запрещается всякая поставка провианта, лошадей, оружия и других товаров мятежникам в Шотландии, которая, как он узнал, осуществляется ирландскими купцами».

Однако озадаченные историки указывали на тот факт, что оружейная промышленность в Ирландии была развита не лучше шотландской. Оружие и доспехи могли попасть в Ирландию только из континентальной Европы.

Вполне возможно, что возросшая боеспособность шотландской армии явилась естественным следствием длительного конфликта, когда воины имели возможность приобрести боевой опыт. Но нельзя исключить и того, что шотландцев обучали и тренировали беглые тамплиеры – в ту эпоху это была самая дисциплинированная и профессиональная армия Европы, которая могла принести с собой из Святой Земли тактику сарадин, взятую на вооружение Брюсом. Что касается оружия, которое поступало из Европы в Ирландию, а оттуда в Шотландию, то трудно себе вообразить более подходящего канала поставок, чем орден Храма. Когда английские власти в конце концов пришли с обыском во владения тамплиеров в Ирландии, там не осталось практически никакого оружия.

Битва при Баннокберне и тамплиеры

Битва при Баннокберне, которая внесла решающий вклад в дело борьбы за независимость Шотландии, была результатом не сложных стратегических маневров, а странных средневековых представлений о чести. К концу 1313 года брат Брюса Эдуард осадил небольшой английский гарнизон в крепости Стерлинг, которая защищала дорогу на север и северо-запад Шотландии и в Аргайлл. Осада крепости затянулась. Не желая тратить время и силы, Эдуард принял выдвинутые защитниками условия: если к середине лета следующего года английская армия не появится в трех милях от крепости, гарнизон капитулирует. Это был вызов, который Эдуард Английский не мог не принять. Таким образом, брат Роберта Брюса вынудил его дать то самое генеральное сражение, которого он так упорно избегал после поражения при Метвене в 1306 году.

Конкретной целью английского монарха было освобождение Стерлинга. Однако размеры его армии свидетельствуют о более амбициозных планах – уничтожить шотландскую армию, нанести окончательное поражение Брюсу и установить военную оккупацию Шотландии. Историки того времени утверждали, что численность английской армии доходила до 100 тысяч человек. Это явное преувеличение, в высшей степени типичное для средневековья. Тем не менее, сохранившиеся списки личного состава говорят о том, что у Эдуарда было как мини-

мум 21 640 пеших воинов. Разумеется, не все они прибыли в Шотландию – естественная убыль объясняется дезертирством и болезнями. К пехоте присоединились 3000 рыцарей, и каждый из них имел вооруженную и обученную свиту. Современные историки оценивают численность английской армии примерно в 20 тысяч человек. Эта цифра обеспечивала им тройное численное превосходство – именно такое соотношение указывается в хрониках того времени. Считается, что численность шотландской армии составляла от 7 до 10 тысяч человек, среди которых было 500 рыцарей, причем их вооружение и доспехи были менее тяжелыми, чем у англичан.

Историки до сих пор спорят о точном месте битвы при Баннокберне. Достоверно известно лишь то, что она состоялась в двух с половиной милях от замка Стерлинг. Главное сражение произошло 24 июня 1314 года. На дату стоит обратить особое внимание, потому что 24 июня – это день св. Иоанна, который имел особое значение для тамплиеров.

Точные подробности того, что происходило в сражении при Баннокберне, неизвестны. Воспоминания участников событий не сохранились, а свидетельства вторых или третьих лиц полны искажений и противоречий. Общеизвестно, что стычки начались днем раньше. Считается установленным, что в классическом поединке один на один Брюс убил английского рыцаря Генриха де Бохума. Большинство историков сходятся во мнении, что шотландская армия состояла преимущественно из пехоты, вооруженной пиками, копьями и топорами. Они также согласны, что мечи в шотландской армии имелись только у всадников и что кавалерия Брюса была слаба – по численности, а также тяжести вооружения и лошадей она не шла ни в какое сравнение с английскими рыцарями. Тем не менее хроникер четырнадцатого века Джон Барбер утверждает, что Брюс «... привел с собой с юга большое количество людей в доспехах». Из той информации, которая дошла до нас о битве, можно сделать вывод, что в один из моментов английские лучники были атакованы кавалерией шотландцев, которая до этого времени держалась в резерве и находилась под личным командованием Брюса. Однако самым удивительным в хрониках выглядит решительное наступление «свежих сил» – именно так восприняли это англичане. Развевающиеся знамена внезапно появились из-за спины шотландцев в тот момент, когда все шотландские подразделения были почти разбиты и судьба сражения висела на волоске.

Бытует мнение, что эти свежие силы состояли из йоменов, подростков, маркитантов и других гражданских лиц, которых англичане ошибочно приняли за регулярные войска. Предположительно члены этого добровольческого отряда избрали из своих рядов командира, сделали знамена из простыней, вооружились самодельным оружием и ринулись в гущу сражения. Эта волнующая романтическая история делает честь шотландскому патриотизму, но выглядит неправдоподобно. Если вмешательство было таким спонтанным, импровизированным и неожиданным, то удивило бы шотландцев не меньше, чем англичан. Однако отсутствие вмешательства в их рядах дает основание предположить, что этой атаке ждали. Трудно себе представить, что тяжеловооруженные английские рыцари – даже если они умудрились перепутать толпу маркитантов с профессиональными воинами – обратились в бегство после атаки пехоты. Все данные говорят о том, что в ход битвы вмешалась находившаяся в резерве кавалерия. Кем могли быть эти неизвестные всадники?

Внезапное появление свежих сил, кем бы они ни были, после целого дня сражения, истощившего силы и английской, и шотландской армии, определило исход битвы. Англичан охватила паника. Король Эдуард вместе с 500 рыцарями внезапно покинул поле боя. Деморализованная английская пехота поспешила последовать его примеру, и отступление быстро превратилось в настоящее бегство. Англичане бросили провиант, личные вещи, деньги, золотую и серебряную посуду, оружие и доспехи. Несмотря на то что в некоторых хрониках говорится о жестокой резне, официальные потери англичан были не очень велики. Сообщалось о гибели лишь одного графа и тридцати восьми баронов и рыцарей. Похоже, бегство англичан было вызвано не яростными атаками шотландцев, которые они успешно отражали, а страхом.

Невозможно поверить, что крестьяне и маркитанты могли вызвать подобный страх. С другой стороны, именно такой должна была быть реакция на отряд тамплиеров, даже не очень большой. Кем бы ни были эти таинственные воины, их сразу же узнали – как тамплиеров с их бородами, белыми мантиями и черно-белым знаменем, которое называлось «Босеан». Если в них действительно узнали тамплиеров и если слух о них распространился по рядам англичан, то в результате вполне могла возникнуть подобная паника.

Но если тамплиеры сыграли решающую роль в битве при Баннокберне, то почему этот факт не нашел отражения в хрониках? Причин этого молчания могло быть несколько. С точки зрения англичан, это был позор, о котором не хотелось даже упоминать, и поэтому английские источники вообще умалчивают о битве. Что касается шотландцев, то они стремились представить победу при Баннокберне как победу своего народа, своей культуры, своей национальной идеи, и предположения о вмешательстве посторонних в какой-то мере преуменьшали этот триумф. Кроме того, у Брюса были особые политические причины скрывать присутствие беглых тамплиеров в своих владениях. Несмотря на отлучение, к 1314 году он стремился заручиться поддержкой церкви и не мог рисковать, еще больше обострив отношения с папой. Еще меньше ему хотелось, чтобы папа объявил полномасштабный крестовый поход против Шотландии. Нечто подобное произошло в Лангедоке ровно сто лет назад, и не прекращавшиеся в течение сорока лет нападения и грабежи еще были живы в памяти людей. Более того, главным союзником Брюса в Европе являлся Филипп IV Французский, тот самый человек, который положил начало преследованию тамплиеров.

После окончания битвы при Баннокберне особой почести был удостоен один из вассалов Брюса, Ангус Ог Макдональд:

«Говорят, что традиционная привилегия Макдональдов сражаться на правом фланге королевской армии – это место считалось почетным – была пожалована Ангусу Огу Брюсом в качестве признания той роли, которую Макдональд и его люди сыграли в победе при Баннокберне».

Часть территории вокруг Килмартина, Лох-О и Loch sweep относилась к владениям короля и находилась под управлением королевского бейлифа сэра Нейла Кэмпбелла, который являлся зятем Брюса. Остальная земля принадлежала Макдональдам. Само собой разумеется, что любой тамплиер, поселившийся в этом районе, должен был сражаться под началом Ангуса Ога.

Битва при Баннокберне была одним из нескольких важнейших сражений средневековья и, вероятно, самым крупным сражением на английской земле. Она положила конец английским притязаниям на Шотландию, которая на протяжении следующих 289 лет оставалась независимым королевством. Когда в начале семнадцатого века две страны объединились под властью одного монарха, это произошло мирным путем, посредством престолонаследия.

Несмотря на победу при Баннокберне, оставшиеся пятнадцать лет правления Брюса нельзя назвать спокойными. В то время у него не было наследников мужского пола, и поэтому особые трудности возникали с назначением преемника. В 1315 году, через десять месяцев после Баннокберна, наследником шотландского престола был официально провозглашен брат Роберта Брюса Эдуард. Через месяц Эдуард Брюс отправился в Ирландию и в мае следующего года был коронован в Дандолке, став правителем этой страны. Таким образом, у него появилась возможность исполнить давнюю мечту всех кельтов и объединить Ирландию и Шотландию. Однако в октябре 1318 года он умер, и место наследника обоих тронов вновь стало вакантным. В декабре того же года было решено, что после смерти Брюса корона перейдет к его внуку, сыну Марджори Брюс и Уолтера Стюарта.

6 апреля 1320 года увидел свет необычный документ – так называемая Арбротская декларация. Он имел форму письма, составленного и подписанного восемью графами и тридцатью

одним дворянином, в число которых входили представители семейств Сетонов, Сен-Клеров и Грэмов. В письме кратко излагалась легендарная история шотландского народа, происходившего от предполагаемых корней в Скифии, и его обращения там в христианство св. апостолом Андреем. Брюс характеризовался как освободитель и назывался (с характерными для тамплиеров ссылками на Библию) «вторым Маккавеем или Иисусом». Более важными моментами в нем, однако, являются провозглашение независимости Шотландии и удивительно современное и сложное определение отношений короля со своим народом-.

«Божественное провидение, право наследования по законам и традициям королевства... а также законное согласие и одобрение всего народа сделали его нашим королем и правителем. Мы обязаны и полны решимости следовать за ним во всех делах, признавая его право и его заслуги человека, который восстановил безопасность и свободу. Но если правитель отступит от этих принципов, ко7порые он так благородно провозгласил, и признает, что мы или наше королевство должны подчиниться королю или народу Англии, мы немедленно объявим его нашим врагом и нарушителем его собственных и наших прав и выберем нового короля, который защитит наши свободы».

Другими словами, Брюс не был королем «по праву помазанника Божьего». Он сохранял корону до тех пор, пока исполнял обязанности, возложенные на его сан. В ту эпоху это было необычно прогрессивное определение монархии.

В 1322 году Эдуард II снарядил свой последний – и довольно робкий – поход против Шотландии. Поход окончился безрезультатно, и Брюс отплатил ему набегам на Йоркшир. В 1323 году страны заключили перемирие, которое должно было длиться тридцать лет, но продержалось только четыре года. Тем временем Брюс ввязался в новое противостояние с папской властью, которая в то время сама переживала раскол, так называемое «авиньонское сидение» Эдуард Английский уже давно стремился очистить шотландскую церковь от таких влиятельных и националистически настроенных прелатов, как епископ Сент-Эндруса Ламбертон, епископ Глазго Уишарт и епископ Данкелда Уильям Сен-Клер (брат сэра Генри Сен-Клера из Росслина, подписавшего Арбротскую декларацию). С этой целью английский король уговаривал сменявших друг друга пап не делать новыми епископами шотландской церкви уроженцев этой страны. Папа Иоанн XXII, двор которого базировался в Авиньоне, благосклонно отнесся к его просьбе. Однако Брюс, объединившись со своими епископами, отказался подчиняться понтифику, и в 1318 году был повторно отлучен от церкви, на этот раз вместе с Джеймсом Дугласом и графом Морей. Годом позже папа потребовал, чтобы епископы Сент-Эндрюсса, Данкелда, Абердина и Морей приехали к нему для объяснений. Епископы проигнорировали приказ, и в июне 1320 года тоже были отлучены от церкви. Верный своей политике, папа упорно отказывался признавать Брюса королем и говорил о нем только как о «правителе королевства Шотландия». Только в 1324 году папа Иоанн XXII смягчился, и Брюс, наконец, стал признанным церковью монархом. В 1329 году Брюс умер, а трон унаследовал, как и предполагалось, его сын. Перед смертью Брюс выразил желание, чтобы его сердце поместили в шкатулку, переправили в Иерусалим и похоронили в храме Гроба Господня. В 1330 году сэр Джеймс Дуглас, сэр Уильям Синклер, сэр Уильям Кейт и, как минимум, еще двое рыцарей отправились на Святую Землю. Серебряная шкатулка с сердцем Брюса висела на шее у Дугласа. Их маршрут проходил через Испанию, где они познакомились с королем Кастилии и Леона Альфонсо XI и сопровождали его в военном походе против мавров Гранады. 25 марта 1330 года в битве при Тебасде-Ардалес шотландцы, шедшие в авангарде, попали в окружение сарацин. Как утверждают хроники четырнадцатого века, Дуглас сорвал с шеи шкатулку с сердцем Брюса, швырнул ее в наступавшего врага и воскликнул:

«Вперед, храброе сердце,
Как ты всегда это делал!
А я последую за тобой клиумру!»

Сомнительно, что в самой гуще сражения у Дугласа было время зарифмовать свои мысли. Тем не менее, бросив сердце Брюса во вражеские ряды, Дуглас вместе с товарищами последовал за ним. Все шотландцы погибли, за исключением сэра Уильяма Кейта, который сломал руку еще до сражения и не участвовал в нем. Говорят, что на поле боя он подобрал сердце Брюса, чудесным образом оставшееся невредимым в своей шкатулке, и привез его назад в Шотландию. Оно было похоронено в аббатстве Мелроз под восточным окном алтаря.

В начале девятнадцатого века могила Брюса в аббатстве Данфермлин была вскрыта. По одной из легенд, широко распространенных в эпоху сэра Вальтера Скотта, берцовые кости скелета были скрещены прямо под черепом. Это не соответствовало действительности – на самом деле ничего необычного обнаружено не было. Но легенды не рождаются на пустом месте. Совершенно очевидно, что кто-то был заинтересован связать Брюса с черепом и скрещенными костями, одним из символов масонов.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МОНАХИ-ВОИНЫ: РЫЦАРИ ХРАМА

Еще до своего роспуска орден рыцарей Храма был окружен экстравагантными мифами и легендами, мрачными слухами, подозрениями и суевериями. За столетия, прошедшие после исчезновения тамплиеров, окружавшая их атмосфера таинственности еще больше сгустилась, а настоящие загадки утонули в болоте подделок и мистификаций. На протяжении восемнадцатого и девятнадцатого веков некоторые масоны усердно старались доказать, что отдельные их ритуалы ведут свое происхождение от тамплиеров. Тогда же начали возникать неотамплиерские организации, которые тоже пытались вести свою родословную от истинного ордена. В настоящее время существует не менее пяти организаций разного рода, заявляющих о том, что они являются прямыми потомками средневековых воинствующих монахов в белых мантиях. Несмотря на весь современный цинизм и скептицизм, даже для неспециалистов есть что-то завораживающее в этих живших 700 лет назад солдатах и мистиках, с их черно-белым знаменем и характерным красным крестом. Они проникли в наш фольклор и наши традиции; они будоражат наше воображение не только как крестоносцы, а как нечто гораздо более загадочное и необычное – искусные интриганы и закулисные деятели, обладатели огромных богатств, колдуны и волшебники, хранители тайного знания. время сослужило им такую службу, о которой они в своих последних суровых испытаниях не могли даже мечтать.

Но время также скрыло под покровом романтики имена и характеры людей, а также истинную сущность организации, которую они создали. Так, например, остаются вопросы, насколько ортодоксальными или еретическими были убеждения тамплиеров. Остаются вопросы относительно обоснованности тех обвинений, которые им предъявлялись. Остаются вопросы о внутренней деятельности ордена, о его грандиозных тайных замыслах, о проекте создания государства тамплиеров, о политике примирения христианства, иудаизма и ислама. Остаются вопросы о влияниях, которым подвергался орден, о «заражении» ересью катаров и о воздействии более ранних форм христианства, с которыми рыцари столкнулись на Святой Земле. Остаются вопросы, что случилось с богатствами, накопленными этими якобы бедными «воинами Христа» – богатствами, за которыми охотились короли и которые исчезли без следа. Остались вопросы о ритуалах тамплиеров и загадочном «идоле» с непонятным именем «Бафомет», которому они якобы поклонялись. Остались вопросы о тайном знании, которым, по слухам, владели, по крайней мере, высшие эшелоны ордена. Какова была природа этого знания? Было ли оно действительно «оккультным» – в том смысле, в каком были сформулированы обвинения инквизиции, то есть включало в себя запрещенную практику магии, непристойные и богохульные ритуалы? Или это знание было политического и культурного свойства, проникая, например, в источники христианства? Может быть, оно было научным и технологическим, охватывая такие области, как наркотики, яды, лекарства, архитектура, картография, навигация и торговые пути? Чем глубже мы изучаем тамплиеров, тем больше возникает подобных вопросов.

Как мы уже отмечали выше, история тамплиеров почти точно совпадает с историей феодального Кельтского королевства Шотландия, от эпохи Давида I до правления Брюса. На первый взгляд между шотландской монархией и военно-религиозным орденом, созданным на Святой Земле, больше нет ничего общего. Тем не менее между ними существовала определенная связь, обусловленная отчасти геополитикой средневекового мира, а отчасти трудноуловимыми факторами, которые не нашли должного отражения в хрониках. Вполне возможно, что в 1314 году эта связь проявилась в участии тамплиеров в битве при Баннокберне.

Появление тамплиеров

Согласно большинству источников, орден рыцарей Храма – Бедных рыцарей Храма Соломона – был создан в 1118 году, однако у нас есть серьезные основания предполагать, что к этому времени он уже существовал не менее четырех лет. Официальная цель тамплиеров – это защита пилигримов на Святой Земле. Тем не менее, дошедшие до нас факты свидетельствуют, что эта цель была лишь фасадом и что рыцари Храма вынашивали более амбициозные и грандиозные планы, в которые были вовлечены цистерцианский орден, св. Бернар и граф Гуго Шампанский, один из первых покровителей и патронов как цистерцианцев, так и тамплиеров. В 1124 году граф сам стал тамплиером, а первым Великим Магистром ордена был один из его вассалов, Гуго де Пейен. Среди других отцов-основателей ордена был дядя св. Бернара Андре де Монбар.

Считалось, что до 1128 года – к этому моменту Давид I уже в течение четырех лет был королем Шотландии – орден тамплиеров состоял только из девяти рыцарей, хотя сохранившиеся документы свидетельствуют еще о нескольких членах. Помимо Гуго Шампанского, в их число входил Фульк Нерра – герцог Анжуйский, отец Жоффруа Плантагенета и дед Генриха II Английского. Тем не менее, поначалу число членов ордена было относительно невелико. Затем на Соборе в Труа орден получил монашеский устав – если можно так выразиться, эквивалент конституции – и стал официальным. Тамплиеры представляли собой абсолютно новое явление: «Впервые в христианской истории воины будут жить как монахи».

С 1128 года орден стал стремительно расширяться, причем не только за счет массового прилива новых членов, но и за счет крупных пожертвований, как денежных, так и в виде собственности. Через год тамплиеры владели землями во Франции, Англии, Шотландии, Испании и Португалии. В течение десяти лет их владения распространились на Италию, Австрию, Германию, Венгрию и Константинополь. В 1131 году король Арагона завещал им треть своих земель. К середине двенадцатого столетия орден Храма превратился в самую богатую и влиятельную организацию в христианском мире, за исключением папства.

В течение нескольких лет после Собора в Труа Гуго де Пейен и другие основатели ордена активно разъезжали по всей Европе, пропагандируя как сам орден, так и достоинства совместных владений в Палестине. Известно, что Гуго с братьями посетили и Англию, и Шотландию. «Англо-саксонские хроники» свидетельствуют, что Гуго встречался с Генрихом I, и что:

«...король принял его с большим почетом и преподнес богатые дары золота и серебра. Затем король послал его в Англию; и там он был принят всеми добрыми людьми, и они одаривали его; и в Шотландии было то же – И он звал людей в Иерусалим; и люди пошли с ним и за ним, числом гораздо большим, чем прежде».

Во время этого первого визита Филипп де Харткорт подарил ордену прецепторию Шипли в Эссексе. Считается, что прецептория в Дувре (остатки ее церкви сохранились до наших дней) основана примерно в то же время.

Будучи Великим Магистром, Гуго де Пейен назначал магистров каждой из «провинций» ордена – так назывались анклав и владения тамплиеров в каждой стране. Первым Магистром Англии стал Гуго Д'Аржантен, о котором практически ничего не известно. Его сменил сначала молодой норманнский рыцарь Осто де Сент-Омер, возглавлявший провинцию в 1153–1154 годах, а затем Ричард де Гастингс. Во времена этих двух магистров тамплиеры осуществили одно из самых новаторских и смелых своих предприятий, перевод части Ветхого Завета на родной язык. Этот вариант Книги Судей принял форму рыцарского романа об Иисусе Навине и его храбрых рыцарях.

Отношения между тамплиерами и монархами тех земель, где орден имел свои владения, были непростыми. Во Франции, например, эти отношения даже в лучшие времена оставались натянутыми. В Испании же они сохранялись неизменно хорошими. В Англии орден тоже пользовался благосклонностью монархов. Как мы уже видели, Генрих I принял первых рыцарей Храма с распростертыми объятиями, а Стефан, захвативший власть в 1135 году, был сыном графа Блуа, одного из руководителей первого крестового похода, и поэтому с особым одобрением относился к деяниям тамплиеров на Святой Земле. При его покровительстве Англию покрыла целая сеть прецепторий. Граф Дерби передал в дар ордену Бишам, граф Уорик выделил земли для прецепторий в самом Уорике, Роджер де Буиль предложил участок земли в Уиллоутоне, Линкольншир. Жена самого Стефана Матильда подарила тамплиерам участки в Эссексе и Оксфорде, которые превратились в две самые влиятельные прецепторий того периода, Темпл-Крессинг и Темпл-Коули.

В эпоху правления Стефана тамплиеры также построили свой главный объект в Англии. «Старый Темпл» был расположен в Холборне и состоял из зданий прецепторий, церкви, огорода, фруктового сада и кладбища; все это было обнесено защитным рвом и, как полагают некоторые историки, стеной. Располагался он примерно в том месте, где сейчас находится станция метро в верхнем Холборне. Однако эта прецептория недолго оставалась главной резиденцией ордена Храма в Лондоне. К 1161 году рыцари уже обосновались в «новом Темпле»; сохранилось не только название этого места, но и оригинальная круглая церковь, а также несколько могил. Ворота на территорию ордена был «Bagham Novi Templi», или Темпл-Бар, на пересечении Флит-стрит и Стрэнд. В период своего расцвета «новый Темпл» тянулся от Олдвича вдоль Стрэнд и до половины Флит-стрит, а затем к Темзе, где тамплиеры имели собственную пристань. Раз в год здесь проводилось собрание капитула, на котором присутствовал Великий Магистр Англии и другие высшие лица ордена в Британии, включая приоров Шотландии и Ирландии.

Генрих II продолжил традицию тесного сотрудничества английской монархии с тамплиерами, которые особенно активно пытались помирить его с Томасом Бекетом. Однако наиболее прочными эти связи стали во времена правления сына Генриха II, Ричарда Львиное Сердце. И действительно, он находился в таких близких отношениях с орденом, что его часто считают кем-то вроде почетного тамплиера. Он регулярно общался с рыцарями Храма, путешествовал на их кораблях, останавливался в их прецепториях. Когда, поссорившись с другими монархами, Ричард был вынужден бежать на Святую Землю, он сделал это в облике тамплиера и в сопровождении настоящих рыцарей ордена. Он принимал активное участие в тайных сношениях тамплиеров с их исламскими собратьями по религиозному фанатизму, хашишинами, или «ассасинами». Король также продал храмовникам Кипр, который на некоторое время стал их официальной резиденцией.

Однако орден к тому времени стал достаточно влиятельным и сильным, чтобы добиться уважения и дружбы короля Джона, брата Ричарда и его злейшего врага. Подобно Ричарду, Джон регулярно останавливался в лондонской прецептории, сделав ее временной резиденцией в течение последних четырех лет своего правления (1212-1216). Магистр Англии Аймерик де Сен-Мар был ближайшим советником Джона, и именно он уговорил короля в 1215 году подписать Великую хартию вольностей. Когда Джон поставил свою подпись под документом, Аймерик находился рядом. Он тоже подписал хартию и, следовательно, был назван одним из исполнителей воли Джона.

Официально основной сферой деятельности ордена Храма считалось Иерусалимское королевство. Европа должна была стать тыловой базой, источником людских и материальных ресурсов, а также каналом их транспортировки на Святую Землю. Поэтому тамплиеры никогда не забывали о «заморских территориях» – именно так они называли Ближний Восток. Их деятельность охватывала территорию от Египта до Константинополя. Ни одно решение руко-

водителей крестоносцев и ни одно событие на этих землях не обходились без участия ордена. В то же время тамплиеры – свидетельство тому их роль в подписании Великой хартии вольностей – принимали активное участие во внутренних делах большинства европейских монархий. В Англии они пользовались особыми привилегиями и правами. Так, например, магистр ордена занимал место в парламенте рядом с первыми дворянами королевства. Кроме того, орден Храма был освобожден от налогов, и металлические кресты тамплиеров, украшавшие их дома и владения в крупнейших английских городах, служили предупреждением сборщикам налогов. Образцы таких крестов с улицы тамплиеров в Лидсе можно увидеть в музее ордена св. Иоанна в Клеркенуэле. Внутри таких анклавов рыцари жили по своим собственным законам. Они обладали правом предоставлять убежище, как и всякая другая церковь. У них были собственные суды для рассмотрения местных преступлений. Они проводили свои ярмарки и базары. Они были освобождены от транзитных пошлин на дорогах, мостах и реках страны.

Владения тамплиеров в Англии были обширными и располагались на всей территории страны. Некоторые из них – правда, далеко не все – сохранили в своем названии Приставку «темпл», например, район Лондона Темпл Форчун, расположенный к северу от Голдерс-Грин. Считается, что там, где на Британских островах в географических названиях встречается префикс «темпл», когда-то находились владения тамплиеров. В настоящее время невозможно составить точный список владений ордена, но даже самые осторожные оценки дают нам минимум семьдесят четыре крупных объекта собственности, включая тридцать полноценных прецепторий, а также сотни более мелких – деревень, поселков, церквей и ферм. Иногда коммерческая деятельность ордена приводила к необходимости строить собственные города. Так, например, город Балдок, расположенный в Хартфордшире, неподалеку от Летчуэрта, был основан тамплиерами примерно в 1148 году. Его название происходит от Багдада.

Немалая часть современного Бристоля тоже когда-то принадлежала тамплиерам. И действительно, Бристоль был одним из основных портов ордена, откуда совершались регулярные рейсы в главную атлантическую базу тамплиеров, французскую крепость Ла-Рошель. В тайных архивах Генриха III упоминаются два судна храмовников: «La Templere» и «Le Buscard». Одна из самых доходных привилегий ордена – это право экспортировать произведенную в его владениях шерсть. Наряду с перевозкой пилигримов, экспорт шерсти приносил огромный доход, сравнимый с доходами от земель ордена. В 1308 году доходы от владений тамплиеров только в Йоркшире составили 1130 фунтов стерлингов. (В те времена средней величины замок можно было построить за 500 фунтов. Рыцаря с оруженосцем можно было нанять за 55 фунтов в год, а арбалетчика за 7 фунтов. Содержание лошади обходилось в 9 фунтов – дороже арбалетчика.)

В Ирландии владения тамплиеров были столь же многочисленны, хотя документальных свидетельств о них осталось меньше. В стране насчитывалось как минимум шесть прецепторий – одна в Дублине и не меньше трех на восточном побережье в графствах Уотерфорд и Уэксфорд. В Ирландии, как и в Англии, тамплиерам принадлежало большое количество поместий, ферм, церквей и замков. Прецептория Килсарен в графстве Лаут, к примеру, владела двенадцатью церквами и собирала десятину еще с восьми. На западном побережье располагалось по меньшей мере одно поместье – Темпл-Хаус в Слиго. Как мы убедимся позднее, вопрос о других объектах тамплиеров на западе Ирландии имеет ключевое значение.

Документы о владениях ордена в Шотландии крайне отрывочны и ненадежны. Отчасти это объясняется бурными событиями в королевстве в конце тринадцатого века, а отчасти намеренным сокрытием этих сведений. В стране действовали по меньшей мере две большие прецептории. Одна из них, Maryculter, находилась неподалеку от Абердина. Другая, Balantrodoch – в переводе с гэльского «земля воинов» – была больше по размерам и представляла собой главную базу тамплиеров в Шотландии. Она расположена в окрестностях Эдинбурга и теперь называется Темпл. Однако информация о владениях тамплиеров в Шотландии основывается на показаниях только одного рыцаря, Уильяма де Мидлттона, которого допрашивала инкви-

зиция. Он упомянул о Maryculter и Balantrodoch, как о двух местах, где он лично проходил службу. Это не исключает существования и других прецепторий, где он не служил. Кроме того, у него были все основания «экономно расходовать правду». На самом деле в средневековых хрониках остались упоминания о владениях тамплиеров в Бервике (в те времена это была часть Шотландии) и в Листоне, неподалеку от Фолкерка. Свидетельства присутствия тамплиеров можно обнаружить совсем рядом с Аргайллом, а также еще как минимум в десяти районах Шотландии. Правда, теперь не представляется возможным выяснить, насколько велики были эти владения и что они собой представляли – прецептории, поместья или просто фермы.

Финансовое влияние тамплиеров

Благодаря своим обширным владениям, многочисленности, Дипломатическому и военному искусству орден Храма пригнул огромное политическое и военное влияние. Однако финансовая мощь тамплиеров была столь же велика, и их деятельность существенно повлияла на основы экономики той эпохи. Обычно историки связывают развитие экономических институтов Западной Европы с еврейскими ростовщиками, а также с крупными итальянскими торговыми домами и союзами. На самом деле доля евреев в ростовщичестве была неизмеримо меньше, чем доля тамплиеров, а орден Храма не только явился предшественником итальянских торговых домов, но выработал механизмы и процедуры, которые затем взяли на вооружение итальянские купцы. В сущности, основы современного банковского дела были заложены именно тамплиерами. В период своего расцвета орден распоряжался большей частью свободного капитала – если не всем капиталом – Западной Европы. Храмовники впервые ввели понятие источников кредитования, а также выделения кредита для развития и расширения коммерции. Фактически они выполняли все функции торгового банка двадцатого века.

Теоретически церковное право запрещало христианам заниматься ростовщичеством, то есть одалживать деньги под проценты. Вполне логично предположить, что этот запрет должен был применяться еще более строго к таким сугубо религиозным организациям, как орден Храма. Тем не менее тамплиеры ссужали деньги и взимали проценты в очень широких масштабах. В одном из документально подтвержденных случаев согласованный процент при просрочке долга составлял 60 процентов в год – на 17 процентов больше, чем разрешалось взимать ростовщикам-евреям. Строгие правила церковного права обходились при помощи уклончивых выражений, эвфемизмов и иносказания. Мы можем только догадываться, какие термины использовали сами тамплиеры, чтобы напрямую не говорить о «проценте» – документов той эпохи сохранилось очень мало. Однако получатели ссуд в своих бумагах, сопровождающих возвращение долга, не были связаны подобными ограничениями. Так, например, Эдуард I – один из множества возможных примеров – при возврате ссуды ордену Храма говорит не только об основной сумме, но и о «проценте», что очень показательно.

Фактически английская монархия постоянно была в долгу у тамплиеров. Король Джон все время занимал деньги у ордена. Точно так же поступал Генрих III. Где-то в 1260–1266 годах он даже заложил тамплиерам алмазы английской короны, поскольку военные походы почти полностью опустошили его казну. Королева Элеонора лично привезла их в лондонскую прецепторию ордена. За много лет до того как трон перешел к Генриху, тамплиеры ссужали деньги будущему королю Эдуарду I. В первый год своего правления Эдуард оплатил 2000 расписок на общую сумму 28 189 фунтов.

Одной из самых важных сторон в финансовой деятельности ордена была организация платежей в удаленных местах без перевозки наличных денежных средств. В эпоху, когда путешествия являлись сомнительным предприятием, когда дороги никем не охранялись и путник постоянно подвергался опасности грабежа, вполне естественно, что люди крайне неохотно перевозили с собой ценности. Легенды о Робин Гуде красноречиво свидетельствуют об угрозе,

которая неизменно нависала над богатыми купцами, торговцами и даже знатью. Чтобы противостоять этой угрозе, тамплиеры изобрели аккредитив. Человек мог внести определенную сумму, скажем, в лондонском Темпле и получить взамен своего рода расписку. Затем он спокойно ехал в другие районы Британии, в Европу или даже на Святую Землю. В пункте назначения достаточно было предъявить расписку, чтобы получить наличные деньги в любой валюте. Воровство и подделка таких аккредитивов пресекались сложной системой кодов, известной только тамплиерам.

Помимо предоставления ссуд и выдачи аккредитивов, орден, благодаря своей сети прецепторий, предлагал услугу По хранению ценностей. Во Франции парижский Храм выполнял роль королевского казначейства. В нем хранились богатства государства, а не только богатства тамплиеров; казначей ордена был также и королевским казначеем. Таким образом, все финансы французской короны находились под управлением ордена и зависели от него. В Англии влияние тамплиеров было не столь велико. Тем не менее, как уже отмечалось выше, во время правления короля Джона алмазы английской короны находились в лондонском Темпле, который при Генрихе II, Джоне, Генрихе III и Эдуарде I был одним из четырех главных королевских казначейств. В Англии тамплиеры также выступали в роли сборщиков налогов. Они не только собирали папские налоги, десятину и пожертвования, но были наделены большими полномочиями и внушали больший страх, чем современное Управление налоговых сборов. В 1294 году тамплиеры организовали обмен старых денег на новые. Они часто выполняли доверительные функции по управлению финансами и собственностью, а также выступали в качестве маклеров и уполномоченных по взысканию задолженности. Они брали на себя роль посредников в спорах, связанных с денежными штрафами, приданым, пенсиями и множеством других финансовых операций.

В пору наивысшего расцвета ордена Храма тамплиеров обвиняли в гордости, высокомерии, безжалостности, в невоздержанности и распущенности. Сравнение «пить как тамплиер» было весьма распространено в средневековой Англии. Несмотря на обет целомудрия, рыцари, похоже, распутничали с не меньшим энтузиазмом, чем пили. Однако несмотря на подобную невоздержанность, их репутация точных, честных и неподкупных в финансовых делах оставалась незыблемой. Можно было их не любить, но им можно было доверять. Тамплиеры с особой строгостью относились к членам ордена, совершавшим нечестные поступки. В одном из таких случаев настоятель храма в Ирландии был уличен в растрате. Его посадили в комнату для покаяний в лондонском Темпле – это помещение, в котором нельзя даже лечь, можно увидеть и сегодня – и уморили голодом. Говорят, он умирал восемь недель.

Подобно современным швейцарским банкам, орден поддерживал несколько долгосрочных трастовых фондов для управления имуществом умерших или разорившихся людей. Поэтому неудивительно, что монархи и другие могущественные лица время от времени пытались прибрать к рукам эти громадные ресурсы. Так, например, Генрих II однажды потребовал от тамплиеров деньги, отданные им на хранение одним впавшим в немилость лордом. Ему ответили, что «доверенные им деньги они никому не отдадут без разрешения того человека, который поместил их на хранение в Храм».

«Самым большим достижением «бедных рыцарей...» была экономика. Ни один средневековый институт в такой степени не способствовал развитию капитализма». Однако богатство, которым тамплиеры так эффективно управляли, стало предметом неудержимой зависти монарха, жадность которого была сравнима с его беспардонностью.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ АРЕСТЫ И ПЫТКИ

К 1306 году орден Храма стал предметом особого внимания короля Франции Филиппа IV, известного под именем Филиппа Красивого. Филипп отличался непомерным честолюбием. Он строил грандиозные планы для своей страны и без всякой жалости уничтожал всех и все, что стояло у него на пути. Он уже организовал похищение и убийство папы Бонифация VIII; кроме того, ходили упорные слухи, что без его участия не обошлась и смерть – возможно, от яда – следующего папы, Бенедикта XI. В 1305 году Филипп посадил на папский престол свою марионетку, бывшего архиепископа Бордо Бертрана де Гота, который стал папой Климентом V. В 1309 году Филипп «похитил» сам папский престол, переведя его из Рима на французскую землю, в Авиньон, где папство превратилось в простой придаток французской короны. Результатом этого так называемого «авиньонского сидения» явились шестьдесят восемь лет – вплоть до 1377 года – раскола католической церкви и соперничающих пап. Получив контроль над папой, Филипп обеспечил себе свободу действий против тамплиеров.

Причин такого шага было несколько, и среди них немалую роль играла его личная неприязнь к храмовникам. Филипп просил присвоить ему звание почетного члена ордена – подобное звание было пожаловано Ричарду I, – но получил унижительный отказ. В июне 1306 года взбунтовавшаяся толпа вынудила его искать убежище в парижском Храме, где он воочию убедился в ошеломляющем богатстве и силе ордена. Филипп отчаянно нуждался в деньгах, и при мысли о сокровищах храмовников у него буквально «текли слюнки». Отношение короля к рыцарям Храма представляло собой опасную смесь зависти с обидой и жадной мстительности. И наконец, тамплиеры представляли – возможно, лишь в глазах короля – реальную угрозу стабильности его королевства. В 1291 году под ударами сарацин пала Акра, последний бастион крестоносцев на Святой Земле, и Иерусалимское королевство перестало существовать. Это лишило тамплиеров – лучше всех обученную, вооруженную и самую профессиональную военную организацию в западном мире – не только смысла существования, но и дома, что представляло собой еще большую угрозу для Филиппа.

Тамплиеры уже основали временную базу на Кипре, но планы их были более амбициозными. Неудивительно, что они мечтали о собственном независимом государстве – подобно Ordenstadt, которое было создано их дочерним орденом, тевтонскими рыцарями, на территории Пруссии и Прибалтики. Однако Ordenstadt располагалось на дальней границе христианской Европы, вне досягаемости от папы и любого мирского правителя. Более того, государство Тевтонского ордена было признано и получило официальный статус в качестве некой разновидности крестового похода против варварских племен северо-восточной Европы, против язычников пруссов, балтов и литовцев, против городов-государств на северо-западе православной (а значит, еретической) Руси, Пскова и Новгорода. Тамплиеры, и так уже пользовавшиеся значительным влиянием во Франции, нагребались создать свое государство в самом центре христианской Европы – в Лангедоке, который только в предыдущем столетии был окончательно аннексирован французской короной. У Филиппа перспектива создания государства тамплиеров у его южных границ – на эту территорию он претендовал сам – могла вызвать лишь негодование и тревогу.

Филипп тщательно продумал весь план. Частично благодаря шпионам, которых он внедрил в ряды тамплиеров, частично благодаря разоблачениям одного рыцаря-ренегата, он составил целый список обвинений. Вооружившись этими обвинениями, Филипп получил свободу действий; нанесенный им удар был внезапным, быстрым и сокрушительным. В процессе операции, достойной современной полицейской облавы, он разослал своим сенешалям и бейлифам по всей стране запечатанные приказы. На рассвете в пятницу, 13 октября 1307 года, все

французские тамплиеры будут арестованы и заключены в тюрьму, на прецептории наложен королевский секвестр, а их имущество конфисковано. И хотя эффект внезапности, рассчитанный королем, превосходно удался, самый лакомый приз – легендарное богатство храмовников – от него ускользнул. Оно никогда не было найдено, и судьба знаменитого «сокровища тамплиеров» так и осталась тайной.

Но было ли наступление Филиппа Красивого действительно неожиданным, как полагал он и жившие после него историки? Есть серьезные основания полагать, что тамплиеры все же были заранее предупреждены. Известно, например, что незадолго до своего ареста Великий Магистр Жак де Моле собрал все книги и документы, касающиеся его ордена, и сжег их. Один из рыцарей, который покинул орден примерно в это же время, вспоминал, что парижский казначей назвал его поступок «очень благоразумным» и сказал, что кризис неминуем. Наконец, в этот же самый момент все командорства Франции обошел приказ, запрещающий давать какую-либо информацию об обычаях и ритуалах рыцарей.

Короче говоря, были ли тамплиеры предупреждены о надвигающихся событиях или же они сами обо всем догадывались, но они предприняли ряд вполне определенных мер предосторожности. Во-первых, многие рыцари скрылись, а те, кто дал себя арестовать, не оказали ни малейшего сопротивления, как будто они получили инструкции на этот счет. По крайней мере, не осталось никаких документальных свидетельств о том, что французские тамплиеры оказывали сопротивление королевским сенешалям. Во-вторых, есть основания предполагать организованное исчезновение целой группы рыцарей Храма, практически всех, принадлежавших к ближайшему окружению орденского казначея.

Учитывая такую подготовку, не стоит удивляться, что казна тамплиеров исчезла – вместе с большинством документов и архивов. Один из рыцарей на допросе, устроенном инквизицией, показал, что казна была тайно вывезена из парижской прецептории незадолго до арестов. Тот же свидетель утверждал, что прецептор Франции покинул столицу вместе с пятьюдесятью лошадьми и отплыл – неизвестно, из какого порта – из страны на восемнадцати галерах, которые тоже исчезли без следа. Неизвестно, насколько достоверны эти слухи, но флот тамплиеров, похоже, ускользнул от короля. Корабли исчезли вместе со своим таинственным грузом, который тоже войдет в легенду.

Тем временем во Франции тамплиеров подвергают допросам, а во многих случаях и жестоким пыткам. Обвинения постоянно множились, и от многих тамплиеров добились странных признаний. По стране начали циркулировать самые необыкновенные слухи. Говорили, что тамплиеры поклонялись богу по имени Бафомет. Во время тайных церемоний они падали ниц перед бородатой человеческой головой, которая с ними говорила и облакала их магической властью – так заявляли анонимные свидетели этих церемоний, которых никто и никогда больше не увидит. Над тамплиерами тяготели и другие, более туманные, обвинения: детоубийство, аборт, непристойные действия во время церемонии посвящения, гомосексуализм. Одно из выдвинутых против них обвинений выглядит особенно странно и даже невероятно. Солдаты Христа, которые сражались с неверными и сотнями отдавали жизнь за веру, обвинялись в том, что они во время своих ритуалов отрицали Христа и отрекались от него, попирали ногами и плевали на крест.

Здесь нет места обсуждать справедливость этих обвинений. Вопросу суда над орденом, а также его виновности или невиновности были посвящены целые тома. В данном случае достаточно лишь сказать, что тамплиеры, вне всякого сомнения, были «заражены» религиозной неортодоксальностью, если не откровенной ересью. Большинство других обвинений, выдвинутых против них, были явно выдуманы, сфабрикованы или являлись беззастенчивым преувеличением. Судя по протоколам инквизиции, из всех допрошенных и подвергнутых пыткам рыцарей в гомосексуализме признались только двое. Если среди членов ордена и встречались

гомосексуалисты, то вряд ли их было больше, чем в других изолированных мужских сообществах, военных или монашеских.

Суды начались через шесть дней после первых арестов. Сначала обвинения выдвигались королевскими чиновниками. Однако Филипп, имея карманного папу, быстро заставил своего ставленника поддержать его всем весом авторитета папской власти. Судебные преследования, начатые французской короной, быстро распространились далеко за пределы Франции и были подхвачены инквизицией. Процессы не прекращались семь лет. То, что сегодня кажется незначительным и довольно туманным фрагментом средневековой истории, стало главным событием той эпохи, затмив собою события в далекой Шотландии, вызвав отклик во всем христианском мире и оставив след во всей западной культуре. Не следует забывать, что орден Храма был самым сильным, влиятельным, престижным и непоколебимым институтом своего времени – за исключением папства. К моменту акции Филиппа история ордена насчитывала уже почти двести лет, и он считался одним из столпов христианства на Западе. Для большинства современников он казался таким же непреложным, надежным и неизменным, как сама церковь. Поэтому быстрое разрушение этой системы потрясло сами основы, на которых зиждились взгляды и верования эпохи. Так, например, Данте в своей «Божественной комедии» говорит о своем потрясении, а также выражает сочувствие подвергавшимся гонениям «белым мантиям». Говорят, что суеверие, объявляющее пятницу 13 числа несчастливым днем, обязано своим существованием первым арестом короля Филиппа в пятницу, 13 октября 1307 года.

Орден Храма был официально распущен папским декретом 22 марта 1312 года, причем не было вынесено никакого окончательного вердикта о его вине или невиновности. Тем не менее, во Франции на тамплиеров охотились на протяжении еще двух лет. В конце концов в марте 1314 года Великий Магистр ордена Жак де Моле и прецептор Нормандии Жоффруа де Шарнэ были сожжены на медленном огне на острове Сите на реке Сене. На этом месте сейчас можно видеть памятную табличку.

Инквизиция

Рвение, с которым Филипп преследовал тамплиеров, выглядит более чем подозрительно. Можно понять его стремление изгнать орден из своих владений, но желание уничтожить тамплиеров во всем христианском мире – это уже похоже на навязчивую идею. Может быть, он боялся мести ордена? Сомнительно, что королем двигали соображения морали. Маловероятно, что монарх, организовавший убийство одного из пап – а, возможно, и второго, – был озабочен чистотой веры. Что касается его преданности церкви, то он подчинил себе церковь. Филиппу не нужно было проявлять к ней лояльность. Он имел возможность сам определять границы этой лояльности.

Как бы то ни было, Филипп уговаривал других монархов Европы присоединиться к нему в этом крестовом походе против тамплиеров. Однако его усилия имели ограниченный успех. В Лотарингии, которая тогда принадлежала Германии, тамплиеры находились под защитой герцога-губернатора. Некоторых членов ордена судили и объявили невиновными, но большинство из них, по совету своего прецептора, сбивают себе бороды, надевают мирское платье и смешиваются с местным населением, которое – что очень важно – не выдало их.

В Германии тамплиеры открыто бросают вызов своим предполагаемым судьям, являясь в суд в полном вооружении и выражая решимость защищать себя. Напуганные судьи объявляют их невиновными. Когда орден был официально ликвидирован, многие немецкие тамплиеры нашли убежище среди госпитальеров св. Иоанна и тевтонских рыцарей. В Испании рыцари Христа тоже оказали сопротивление своим преследователям и растворились среди членов других орденов, особенно ордена Калатрава. Был создан новый монашеский орден, Монтеса, преимущественно в качестве убежища для беглых храмовников.

В Португалии тамплиеров оправдывают, и они просто меняют имя, становясь рыцарями Христа. Под этим именем орден сохранился вплоть до шестнадцатого века, и их морские экспедиции оставили глубокий след в истории. (Рыцарем Христа был Васко да Гама, а Генрих Мореплаватель, корабли которого плавали под парусом с большим «лапчатым» красным крестом, был Великим Магистром ордена. Под таким же крестом три каравеллы Христофора Колумба пересекли Атлантику и открыли Новый Свет. Жена самого Колумба была дочерью бывшего Великого Магистра ордена, и великий мореплаватель имел доступ к документам и картам своего тестя.)

Не найдя должной поддержки своим усилиям на континенте, Филипп имел все основания рассчитывать на более тесное сотрудничество Англии – Эдуард II был его зятем. Однако поначалу Эдуард проявил несговорчивость. И действительно, в своих письмах он ясно дает понять, что считает выдвинутые против тамплиеров обвинения неправдоподобными, а также сомневается в честности их преследователей.

Так, например, 4 декабря 1307 года, меньше чем через месяц после первых арестов рыцарей Храма, он пишет королям Португалии, Кастилии, Арагона и Сицилии:

«Он [посланник, Филиппа] осмелился огласить перед нами...ужасные и отвратительные злодеяния, несовместимые с католической верой, приписываемые вышеупомянутым братьям, и пытался убедить нас в том, что мы должны арестовать всех этих братьев...»

В заключение он обращался к своим адресатам:

«...не обращайтесь на клевету злобных людей, коими руководит, как мы считаем, не стремление к правде, а дух алчности и зависти...»

Однако десять дней спустя Эдуард получил от папы официальную буллу, санкционирующую и оправдывающую аресты. Документ обязывал короля к действию, но Эдуард выполнял папский указ с явной неохотой и показательным отсутствием рвения. 20 декабря он отправил приказ всем шерифам Англии, чтобы через три недели они взяли «десять или двенадцать проверенных людей» и арестовали всех тамплиеров на их территории. Следовало произвести допрос в присутствии как минимум одного надежного свидетеля и составить опись всего имущества, найденного во владениях тамплиеров. Самых рыцарей Храма нужно было взять под стражу, «но не помещать в суровую и ужасную тюрьму».

Английских тамплиеров держали в Тауэре Лондона, а также в замках Йорка, Линкольна и Кентербери. Кампания против храмовников разворачивалась неторопливо. Так, например, магистр Англии Уильям де ла Мор был арестован 9 января 1308 года и содержался в Кентерберийском замке вместе с двумя другими братьями; им позволили взять с собой достаточно много имущества, что обеспечивало сносный комфорт – если не роскошь. 27 мая он был отпущен, а два месяца спустя в его распоряжение передали доходы от шести владений ордена. Только в ноябре месяце на волне новых репрессий он был вновь арестован и теперь уже содержался в более суровых условиях. Но до этого времени у английских тамплиеров была масса возможностей скрыться от преследователей – раствориться среди мирян, найти убежище в других орденах или уехать из страны.

В сентябре 1309 года в Англию прибыли представители папской инквизиции, и арестованные тамплиеры были доставлены для допросов в Лондон, Йорк и Линкольн. В течение следующего месяца Эдуард – как будто он придумывал себе оправдание задним числом – написал своим представителям в Ирландии и Шотландии, приказывая, чтобы все еще не арестованные тамплиеры были взяты под стражу и помещены в замки Дублина и Эдинбурга. Из этих писем становится совершенно очевидным, что большое количество тамплиеров все еще находилось на свободе и что король знал об этом.

Между 20 октября и 18 ноября 1309 года в Лондоне были допрошены сорок семь тамплиеров, и им предъявили список из восьмидесяти семи обвинений. От обвиняемых не удалось добиться никаких признаний, за исключением того, что некоторые члены ордена заявляли о своем праве отпускать грехи, как это делают священники. Разочарованные инквизиторы решили прибегнуть к пыткам. Однако у странствующих эmissаров папы не имелось ни собственных приспособлений, ни людей для применения пыток, и они были вынуждены официально обратиться к мирским властям. Это обращение поступило во вторую неделю декабря. Эдуард дал им разрешение только на «ограниченные пытки», однако и они не позволили получить никаких признаний.

14 декабря 1309 года – к этому времени прошло уже более двух лет после первых арестов во Франции и больше года после требования папы принять против английских тамплиеров более строгие меры – Эдуард вновь обратился с письмом к своим шерифам. До него дошли слухи, писал король, что тамплиеры все еще «бродят среди мирян, распространяя ересь». И вновь ни сам король, ни его чиновники не проявили должной решительности. 12 марта 1310 года Эдуард писал шерифу Йорка: «Как понимает король, он [шериф] позволяет тамплиерам... вопреки приказу короля разгуливать на свободе, тогда как их следует держать внутри замка». Тем не менее, 4 января 1311 года Эдуард вновь пишет шерифу Йорка, обращая внимание, что несмотря на все его предыдущие распоряжения храмовники по-прежнему пользуются свободой передвижения. Пока шла это беспорядочная суeta вокруг арестованных рыцарей Храма, абсолютно ничего не предпринималось против тех тамплиеров, которым удалось избежать ареста. Рвение инквизиции привело к обнаружению и задержанию только девяти таких беглецов. Папа жаловался архиепископу Кентерберийскому и другим прелатам церкви, что большое количество тамплиеров полностью растворилось среди мирского населения, вступив в брак. Это не могло быть сделано без определенной помощи английских властей.

К этому времени к задержанным членам ордена уже были применены пытки. Однако в июле 1310 года инквизиторы составили документ, свидетельствующий об отсутствии каких бы то ни было успехов. Они выражали протест, утверждая, что им мешают правильно и эффективно применять пытки. Пытки, жаловались они, не характерны для английского правосудия, и даже получив неохотное согласие короля, они не находили понимания и помощи со стороны тюремщиков. Инквизиторы выдвигали несколько предложений, чтобы суды стали более эффективными. Среди прочих рекомендаций была и такая: арестованных тамплиеров следует переправить во Францию, где их подвергнут «правильным» пыткам люди, обладающие пониманием и опытом проведения подобных процедур.

6 августа 1310 года папа направил английскому королю 0 негодующее письмо, обрушиваясь на него за отказ разрешить настоящие пытки. В конечном итоге Эдуард капитулировал, и содержащиеся в лондонском Тауэре тамплиеры были переданы в руки инквизиции для – как это иносказательно называлось – «применения церковного права». Однако к успеху это не привело, поскольку в октябре месяце король был вынужден дважды повторять свой декрет.

Наконец, в июне 1311 года инквизиция нашла в Англии то, что так давно искала. Однако этим прорывом она обязана не пыткам уже содержащихся в тюрьме тамплиеров, а показаниям одного из беглых рыцарей Храма, лишь недавно задержанного в Сэлисбери, некоего Стефана де Штапельбрюгге. Стефан стал первым тамплиером в Англии, признавшим еретические обычаи ордена. Он сообщил, что во время церемонии посвящения ему показали распятие и приказали отрицать, что «Иисус был одновременно богом и человеком и что Мария была его матерью». Затем его якобы заставили плюнуть на крест. Стефан также признался во многих других обвинениях, которые предъявляли тамплиерам. «Ошибки» ордена, заявил он, происходят из области Аген во Франции.

Это последнее утверждение заставляет сомневаться в правдивости показаний Стефана. В двенадцатом и тринадцатом веках Аген был одним из очагов распространения ереси альби-

гойцев, или катаров, причем катары обитали в этом районе вплоть до 1250 года. Существуют убедительные свидетельства того, что тамплиеры были «заражены» – говоря церковным языком – идеями катаров и даже предоставили убежище тем из них, кому удалось ускользнуть от инквизиции. И действительно, один из самых известных и влиятельных Великих Магистров ордена, Бертран де Бланфор, происходил из старинной катарской семьи. Более того, сам Аген входил в провинцию тамплиеров Прованс. Между 1248 и 1250 годами магистром Прованса был некто Ронселин де Фо. Затем, с 1251 по 1253 год, он исполнял должность магистра Англии. В 1260 году Ронселин вновь стал магистром Прованса и оставался на этом посту вплоть до 1278 года. Вполне возможно, что именно он перенес семена ереси катаров из своей родной Франции на английскую почву. Это предположение подкрепляется признанием, которое сделал на допросах инквизиции прецептор Аквитании и Пуату Жоффруа де Гонвиля. По его словам, неизвестные лица утверждали, что все грешные и порочные обычаи и нововведения были введены в ордене неким братом Ронселином, бывшим магистром ордена. Вполне вероятно, что речь идет о Ронселине де Фо.

За откровениями Стефана последовали – подозрительно быстро – признания двух других рыцарей. По их словам, бывший магистр Англии Бриан де Джей утверждал, что «Христос был не богом, а простым человеком». Признания одного из рыцарей, Джона де Стока, имели особое значение, поскольку он являлся казначеем храма в Лондоне. Эта была высшая невоенная должность ордена в Англии, а сам лондонский Храм одновременно служил королевской сокровищницей. Поэтому Джон де Сток был лично знаком как с Эдуардом I, так и с Эдуардом II. Кроме того, он был самым высокопоставленным тамплиером в Англии, от которого удалось добиться каких-либо признаний.

Во время предыдущих допросов Джон де Сток отвергал все обвинения. Однако теперь он заявил, что при посещении храма Гарвей в Херефордшире Великий Магистр ордена Жак де Моле заявлял, что Христос был «сыном обычной женщины и его распяли за то, что он называл себя Сыном Божиим». По словам Джона Стока, Великий Магистр убеждал его на этом основании отречься от Иисуса. Инквизиторы спросили его, во что от него требовалось верить. Джон ответил, что Великий Магистр предписывал верить в «великого всемогущего Бога, который создал небо и землю, но не в Распятие». Это даже не ересь катаров, для которых Создателем всего сущего был дьявол. Эти взгляды могли подразумевать более или менее ортодоксальный иудаизм или ислам. Совершенно очевидно, что за долгие годы своей деятельности на Святой Земле тамплиеры имели возможность впитать Многие идеи этих двух религий.

Инквизиция без промедления воспользовалась признаниями рыцарей. Через несколько месяцев большинство тамплиеров, содержавшихся в тюрьмах Англии, сделали подобные признания. 3 июля 1311 года большая часть из них вернулась в лоно церкви, либо признавшись в конкретных преступлениях и отрекшись от них, либо произнеся общую формулу покаяния и согласившись принять наказание. К этому моменту процессы над тамплиерами превратились в некие «согласованные признания вины» или в «полюбовные сделки». В обмен на сотрудничество английские тамплиеры подверглись мягкому наказанию. В отличие от Франции, в Англии не было ни одного сожжения на костре. Вместо этого «раскаявшихся грешников» отправляли в монастыри, чтобы там они могли молиться о спасении своей души. Для их содержания были выделены немалые средства.

Тем не менее следует обратить внимание на одно интересное обстоятельство: все признания, полученные от тамплиеров в Англии, были сделаны престарелыми и слабыми рыцарями. Дело в том, что Англия никогда не была ни основным театром военных действий ордена, ни его основным политическим и экономическим центром, как Франция. Она служила своего рода «интернатом для престарелых и инвалидов». Состарившиеся или больные ветераны Святой Земли отправлялись, если так можно выразиться, «на пенсию» в прецептории Англии. Когда начались гонения, многие из них были слишком слабы, чтобы уехать достаточно далеко от

места своего заточения. «Они были такими старыми и слабыми, что даже не могли стоять», – свидетельствует один из нотариусов, которые вели записи на процессах. Именно этих рыцарей арестовали слуги Эдуарда, когда король, наконец, уступил давлению папы. Однако к этому времени более молодые и активные тамплиеры имели в своем распоряжении массу времени для бегства. И их ряды, как мы убедимся впоследствии, пополнялись беглецами из других стран.

Бегство от преследований

В средние века люди не разделяли нашей страсти к точной статистике. Когда хроники той эпохи говорят, к примеру, об армиях, они оперируют грубыми оценками, причем в пропагандистских целях эти оценки нередко бывают значительно преувеличенными. Цифры в тысячи и даже десятки тысяч человек часто просто придумывались – с поразительным пренебрежением не только к точности, но и к правдоподобию. Следовательно, у нас нет надежных свидетельств численности тамплиеров в любой из периодов истории ордена. Не уцелел ни один список (если таковой вообще существовал за пределами архивов самого ордена) владений тамплиеров – ни в Британии, ни в какой-либо другой стране. Как мы уже отмечали выше, в официальных документах и реестрах часто отсутствовали многие объекты – прецептории, поместья, земельные владения, дома, фермы и другая собственность, – которые, как свидетельствовали другие источники, принадлежали тамплиерам. Так, например, главные владения ордена в Бристоле и Бервике, в состав которых входили верфи и портовые сооружения, не упоминаются ни в одном официальном списке.

По свидетельству средневековых источников, ко времени начала репрессий орден насчитывал многие тысячи членов по всей Европе. Некоторые называют даже такую цифру, как двадцать тысяч, хотя из этого количества настоящие рыцари в тяжелом вооружении могли составлять не более 20 процентов. В то же время в средние века каждого рыцаря обычно сопровождала свита – оруженосец и не менее трех вооруженных пеших воинов. Сохранившиеся во Франции документы свидетельствуют, что такая практика была принята и у тамплиеров. Таким образом, большая часть военной силы ордена состояла не из рыцарей.

Однако тамплиеры, что вполне можно ожидать от такого рода организации, также опирались на многочисленный Услуживающий персонал – чиновников, управляющих, клерков, капелланов, слуг, крестьян, ремесленников, мастеровых, – и совершенно непонятно, какое количество их включено в сохранившиеся записи. Существуют и другие аспекты деятельности тамплиеров, о которых вообще не осталось никаких документов, и в которых невозможны даже грубые оценки. Известно, к примеру, что тамплиеры обладали мощным флотом – он состоял не только из военных, но и торговых судов, – который проводил операции не только на Средиземном море, но и в Атлантике. Средневековые источники содержат многочисленные ссылки на порты и суда тамплиеров. Сохранились даже документы с подписями и печатями морских офицеров ордена. Тем не менее до нас не дошло никакой точной и конкретной информации о деятельности ордена на море. Не осталось записей о численности их флота и о том, что с ним случилось после роспуска ордена. Точно так же в одном из средневековых английских документов упоминается о женщине, принятой в ряды ордена в качестве «сестры», что позволяет предположить о каком-то женском отделении ордена. Но никаких пояснений на этот счет найдено так и не было. Даже та информация, которая содержалась в официальных записях инквизиции, либо исчезла, либо сознательно замалчивалась.

Тщательное изучение английских архивов и документов инквизиции, а также подробное знакомство с работами других историков подвели нас к выводу, что в 1307 году в Англии военные силы тамплиеров насчитывали примерно 265 человек. В это число входило двадцать девять рыцарей, семьдесят семь пеших воинов и тридцать один капеллан. Если не учитывать капелланов и обслуживающий персонал, то количество воинов в рядах тамплиеров можно оце-

нить как не менее 32, но не более 106. Только десять из них были арестованы и попали в документы инквизиции. Кроме того, под арестом находились еще три военных чина тамплиеров. Это значит, что порядка девяносто трех человек ускользнули из лап инквизиции и никогда не были найдены. В эту цифру не входят воины, скрывшиеся от преследований в Шотландии и Ирландии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.